

МАРИКВИН

PRESS

GAZETA SHQIPTARE

Tirana mes dritës dhe hijëve

TIRANA

TIRANA
41.3275° N
19.8187° E
Identitetet...

Një qytet, dy fytyra.

E vërteta nuk fshihet. Vetëm zbulohet vonë.

18+

Мари Квин

По следу из входящих

«Автор»

2025

Квин М.

По следу из входящих / М. Квин — «Автор», 2025

Студентка-журналистка Лючия Коуэлл славилась острыми расследованиями и умением попадать в неприятности, но после университета ушла в спокойную жизнь — пишет в манхэттенском журнале о культуре, планирует участвовать международной программе. Все меняется, когда пропадает ее подруга, уехавшая по контракту с модельным агентством в Европу. Чтобы найти ее, Лючия снова берется за расследование — в чужой стране, без знания языка. И единственная помощь — суровый мужчина, к которому можно обратиться за информацией.

© Квин М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
1.	9
2.	15
3.	20
4.	25
5.	32
6.	39
7.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мари Квин

По следу из входящих

*большое спасибо за помощь моим бетам: Марье Зеленой и Ди
Темиде*

Пролог

Нью-Йорк, Сохо. Август 2019

Подготовка к Неделе моды идет полным ходом, и я ловлю себя на том, что не могу сдерживать улыбки. Уже на втором курсе колледжа я оказалась в самой гуще событий, помогая готовить один из главных показов сезона, который состоится в сентябре в Нью-Йорке. Знаю, что не каждому опытному журналисту выпадает шанс оказаться так близко к этому гламурному миру. Но я не собираюсь отказываться от возможности, которая открылась передо мной – благодаря семье, конечно, но это не делает ее менее ценной. И немного передохнуть от недавнего журналистского расследования, которое закончилось вмешательством отцовских адвокатов.

Семья была счастлива этому решению.

Сегодня на мне не неприметная одежда, чтобы незамеченно проникнуть в здание, а кое-что из маминой новой коллекции – элегантное платье-халтер, которое подчеркивает ее фирменный стиль: смелый, но утонченный. На ногах – изящные босоножки «Jimmy Choo», которые я одолжила из гардеробной мамы, решив, что моя обувь недостаточно деловая. Они словно созданы для таких важных моментов: их блеск и легкость заставляют чувствовать себя частью чего-то большего, чем просто студенческая практика.

Я стою в мамином ателье, на верхних этажах одного из старинных зданий в самом сердце города. Здесь огромные окна, через которые проникает мягкий свет, очерчивая силуэты манекенов и рулонов ткани. Все вокруг дышит историей и творчеством. За окнами – улицы, полные жизни: прохожие спешат по своим делам, машины сигналият, жизнь кипит.

И, кажется, не только за окном.

Вдруг до меня долетает чья-то резкая ругань. Слова звучат настолько быстро и с такими интонациями, что я не могу разобрать язык. Осторожнодвигаюсь на звук и вижу двух девушек. Одна – этакая «американская мечта»: миловидная блондинка, которая больше похожа на соседскую девочку из маленького городка в Огайо. Она явно нервничает и пытается что-то доказать второй – темпераментной брюнетке, говорящей на английском с акцентом. Что-то вроде немецкого или чешского... но, заметив меня, брюнетка внезапно умолкает. Обе примерно моего возраста, лет двадцати.

– У нас примерка у синьоры Марчетти, – произносит «девочка из Огайо», решительно глядя на меня. Похоже, она приняла меня за одну из ассистенток, которые обязаны быть в курсе всего происходящего. Я бы и сама сейчас была рада такой. Но в ателье только швеи, которые не могут мне сейчас помочь.

Едва сдерживаю улыбку. Моя мама – истинная итальянка, и если есть что-то, чего от нее точно нельзя ждать, так это пунктуальности.

– Ее еще нет, – говорю я, пытаюсь звучать уверенно, хотя сама до конца не понимаю, как лучше поступить. – Но проходите... наверное.

Блондинка благодарно улыбается и входит первой, поправляя свою сумку на плече. Брюнетка следует за ней, все еще бросая на меня подозрительные взгляды. Похоже, она не до конца мне доверяет, чувствует неуверенность, но пока молчит.

– Я Брук, – представляется блондинка, протягивая руку. Ее голос мягкий, с едва уловимым акцентом жителя Среднего Запада. – Из Индианаполиса. Я работаю над акцентом. Мне уже сказали.

– Лючия, – отвечаю я, пожимая ее руку.

– А ты работаешь с синьорой Марчетти? – спрашивает она, оглядываясь вокруг с нескрываемым восхищением.

Брюнетка молча проходит и присаживается, игнорируя нашу болтовню. Тихо усмехаюсь такому отношению к персоналу, за который она меня принимает. Успешную карьеру с таким отношением не построить.

Колеблюсь долю секунды, прежде чем ответить Брук. Не буду пока раскрывать все карты.

– Можно сказать и так.

Кажется, этого достаточно для Брук. Она улыбается еще шире и расслабляется.

– Это просто невероятно! Я никогда раньше не была в Нью-Йорке. Думала, что после колледжа буду работать в офисе или преподавать, но... иногда жизнь делает такие повороты, правда? Жаль, что пришлось поставить учебу на паузу, но... к ней я вернусь смогу. Учиться сейчас можно всегда, а тут такая возможность...

Я киваю, хотя ее слова вызывают у меня странное чувство. В ее голосе слышится и тоска. Наверное, это был сложный выбор. И, наверное, родители от него были не в восторге. Но я решаю не уточнять. Брук так искренна, так полна надежд. И это располагает. Я выросла на Манхэттене, и Нью-Йорк всегда был моим домом. Но для кого-то вроде Брук он, должно быть, кажется огромным и пугающим, как будто каждый уголок здесь хранит секреты, которые тебе еще только предстоит раскрыть.

– Ты давно в моделинге? – спрашиваю я, чтобы поддержать разговор.

– Всего несколько месяцев, – признается она. – Это все как сон. Я даже не думала, что у меня есть шанс.

Ее слова звучат почти наивно, но в них чувствуется настоящая страсть. Мы продолжаем болтать, и постепенно я понимаю, что Брук – из тех редких людей, которые умеют находить общий язык с каждым. Она задает вопросы о моей жизни, рассказывает о своей семье, о том, как ее родители были категорически против ее переезда, но она все равно решилась следовать за мечтой.

– А ты всегда жила в Нью-Йорке? – интересуется она, глядя на меня с любопытством.

– Да, я выросла на Манхэттене. Здесь шумно, суетливо, но... это мой город.

– Повезло тебе, – вздыхает Брук. – Для меня это все как другой мир.

С ней хочется быть откровенной. Пока я рассказываю Брук о своей учебе в Йеле и стажировке, двери ателье внезапно распахиваются. Входит моя мама – синьора Марчетти собственной персоной. Ее появление всегда словно меняет гравитацию в комнате: все взгляды невольно тянутся к ней. Высокая, элегантная, с безупречной осанкой и огненно-рыжими волосами, которые она унаследовала от своей итальянской бабушки с ирландскими корнями. На ней простое черное платье, но оно выглядит так, будто только что сошло с обложки «Vogue».

Было время, когда я искренне жалела, что генетика обошла меня стороной, не наградив рыжими волосами. Мои же волосы, унаследованные от маминой итальянской стороны, были черными и густыми. Хотя мама всегда предпочитала видеть меня с длинными волосами, я регулярно подстригала их, оставляя максимум до плеч.

– Ciao, bella mia!¹ – восклицает мама, подходя ко мне. Ее голос звучит как музыка, но в нем уже слышится легкий укор. Она целует меня в щеку, а потом отступает на шаг, изучая мой образ. – Ах, так вот куда пропали мои «Jimmy Choo»? Но я так и думала, что дочка меня

¹ Здравствуй, мой красавица! (итальянский)

опередила, когда искала их сегодня утром. Но, должна признать, они тебе очень идут. Особенно с этим платьем.

Я чувствую, как мои щеки начинают пылать. Мама всегда умеет найти способ смутить меня, даже когда делает это с явным одобрением.

– Ты же знаешь, ты могла просто попросить, а не тихо утаскивать, – добавляет она, подмигивая.

Брук рядом со мной замирает, ее глаза расширяются от удивления. Кажется, вторая девушка начинает жалеть, что держалась холодно, пока мы болтали.

– Я тут встретила твоих моделей, – показывая на девушек, произношу я.

Мама переводит взгляд на Брук и брюнетку, ее профессиональная улыбка мгновенно включается, словно она только что вышла на сцену. Она излучает тепло и уверенность, но в ее глазах уже загорается тот самый огонь, который появляется, когда она готова взять ситуацию под контроль.

– А, *bene bene*², – произносит она, подходя ближе. Брук нервно кивает, явно пытаясь сохранить самообладание. Вторая девушка, та самая темпераментная брюнетка, все еще держится немного настороженно, но теперь ее взгляд больше напоминает смесь любопытства и трепета.

– Я Брук, – быстро представляется она, протягивая руку. – Из Индианаполиса. Это огромная честь быть частью вашего показа, синьора Марчетти.

Мама пожимает ее руку, ее улыбка становится шире.

– Очень приятно, Брук.

Затем она поворачивается ко второй девушке, которая чуть менее уверенно представляет себя:

– Меня зовут Лена. Я из Праги.

– *Bellissima*³, – произносит мама.

Я наблюдаю за этой сценой, чувствуя, как атмосфера в комнате меняется. Мама обладает удивительной способностью превращать любое пространство в свою представление. Она – главная героиня этого момента, и все вокруг это чувствуют.

– Так, девочки, – продолжает она, хлопая в ладоши, чтобы привлечь внимание швей. – У нас много работы, а времени, как всегда, мало. Лючия, дорогая, помоги им разместиться, а я пока проверю последние детали с командой.

Она снова целует меня в щеку, шепнув на ухо:

– Не забудь про гримеров через час. И, пожалуйста, найди мою помощницу Клэр. Она должна уже приехать.

С этими словами мама исчезает в толпе, оставляя после себя легкий шлейф духов и чувство того, что теперь все действительно начинается.

Я поворачиваюсь к Брук и Лене, которые смотрят на меня еще более внимательно.

– Ну что, показываю вам, где можно разместиться? – предлагаю я, стараясь говорить уверенно.

Брук улыбается, ее нервозность немного спадает.

– Это было неожиданно.

– Да, это точно, – соглашаюсь я. – Но тайна раскрыта, так что давайте начнем с простого: вот диваны для вас, а вон там доска с расписанием.

Пока я помогаю им освоиться, я замечаю, как Лена начинает расслабляться. Она даже позволяет себе легкую улыбку, когда благодарит меня за помощь, но я на это уже не обращаю внимания. Слишком поздно быть милой.

² А, хорошо-хорошо (итальянский)

³ Прекрасно (итальянский)

- Слушай, а ты часто здесь бываешь? – спрашивает Брук, пока мы идем к диванам.
- Достаточно часто. С детства торчу в ее мастерских и за кулисами показов, – отвечаю я.
- Но сейчас я готовлю статьи. И это все приобрело деловой оттенок.
- Для журнала? – переспрашивает она, удивленно поднимая брови.
- Пока нет, я учусь на журналиста в Йеле. Сейчас это часть моей стажировки – писать о моде и событиях, связанных с ней. Езжу по разным программам, если есть возможность. А еще я веду блог. В будущем хочу работать в каком-нибудь журнале типа «Vanity Fair» или «New York Magazine». – Делаю паузу и с доброй насмешкой продолжаю: – Ну а сейчас я на побегушках и делаю всего понемногу, как видишь.
- Вау, – восхищается Брук. – У тебя такой... разносторонний опыт.
- Пожалуй, – усмехаюсь я.
- Лена, которая до этого молчала, внезапно вступает в разговор:
- Мне кажется, у тебя уже есть все, чтобы добиться успеха.
- Ее слова звучат вполне искренне, но я ей лишь киваю на это.
- Пока модели занимают свои места, а комната наполняется шумом подготовки, я начинаю осознавать, что этот день станет важным не только для них, но и для меня. Ведь за каждым платьем, за каждой историей стоит что-то большее. Что-то, что однажды может стать частью моей собственной истории.
- И даже не догадывалась, как пророчески ужасно в тот солнечный день я была права.

1.

Нью-Йорк. Трайбека. 5 лет спустя. Июль 2019

Я сижу, уставившись на экран ноутбука, где открыто последнее письмо от Брук. Оно пришло больше месяца назад и выглядит каким-то странным – коротким, сбивчивым, почти безжизненным. И чем больше времени проходит с его получения, тем сильнее мысли не дают мне покоя. Не замечаю, как начинаю постукивать пальцами по столешнице, в очередной раз погружаясь в раздумья. Долгое время я не придавала значения тому, что мы стали общаться реже. Решила, что Брук просто занята работой, ведь Европа, показы, постоянные переезды... Но теперь меня начинают терзать сомнения. Может, зря я не обратила внимания?

Ее работа в Европе как-то подозрительно затянулась. Мы с ней расстались весной на такой оптимистичной ноте: шампанское, музыка, смех в одном из модных клубов. В тот вечер все казалось таким идеальным. Наконец-то я добилась своей цели – работаю в «New York Magazine», где веду колонку о жизни в Нью-Йорке, рассуждая на актуальные темы. Помимо этого, даже анализирую события с точки зрения культуры и политики, а также поддерживаю свой блог.

А вот для Брук все сложилось немного иначе. Она действительно стала моделью, но ее карьера не взлетела так, как ей мечталось. Да, были предложения, были показы, но всего этого было мало, чтобы сделать имя. И когда новое агентство предложило ей контракт в Европе, она буквально засветилась от счастья. Это был шанс, о котором она всегда мечтала. Подарок судьбы, который, как она думала, изменит ее жизнь.

Но почему я тогда не настояла? Почему не заставила ее забыть все эти глупые суеверия моделей, что нельзя рассказывать о работе, чтобы не «сглазить» успех? Почему позволила ей уехать, ничего толком не объяснив?

Теперь же мне остается только гадать. Кто ее агент? Где именно она работает? С кем общается? Почему ее письма стали такими редкими и односложными? Вместо того чтобы получить ответы от нее самой, мне придется выяснять все самостоятельно. А это значит, что пора начинать копать. Потому что если с ней что-то случилось, то... нет, об этом я даже думать не хочу.

Я закрываю ноутбук и глубоко вздыхаю, снимая очки. На мгновение замираю, пытаюсь собраться с мыслями, но тут мой взгляд падает на телефон. Вспоминаю, что сегодня ужин с родителями – еженедельная традиция, которую я стараюсь не нарушать, даже если график работы в «New York Magazine» норовит поглотить все свободное время. И тут же в голове всплывает образ Дерека, частного детектива, которого мой отец держит на зарплате уже много лет.

Папа, именной партнер одной из самых престижных юридических фирм, специализируется на корпоративном праве, включая международные сделки. Именно тогда, еще когда я была ребенком, он нанял Дерека для проверки контрагентов и сбора информации по сложным делам. Помню, каким жутким он мне казался в детстве: его пронизывающий взгляд, будто видящий тебя насквозь, и эта молчаливая уверенность в каждом шаге. А теперь я сама периодически обращаюсь к нему за помощью, особенно когда нужно разобраться в чем-то деликатном или сложном. Благо намного реже, чем в студенческую пору.

Вот и сейчас, возможно, пришло время снова подкинуть ему работу.

С большим энтузиазмом и с долей внутреннего смущения тянусь за телефоном. Нажимаю на контакт Дерека, и после второго гудка слышу его усталый, но все такой же уверенный голос:

– Да?

– Привет, Дерек, – начинаю я, стараясь звучать как можно более непринужденно.

– Нееееет, – тут же протягивает он, и я почти вижу, как он закатывает глаза. Похоже, он уже знает, зачем я звоню.

– Дело важное, – настаиваю я, пытаюсь придать своему голосу убедительности.

– Я работаю на твоего отца, – напоминает Дерек, и в его тоне появляется легкая нотка раздражения.

Я невольно усмехаюсь, представляя, как он сейчас хмурится. Ему, наверное, около пятидесяти, и его внешность теперь больше солидная, чем жуткая – каким он казался мне в детстве. Но эта привычка моментально угадывать мои намерения никуда не делась. А еще я почти уверена, что через него отец пробивал всех моих парней.

– Да ладно тебе, Дерек, – говорю я, пытаюсь сгладить его недовольство. – Это не очередной «журналистский каприз». Тут действительно что-то серьезное. Мне нужна твоя помощь.

– Угу, – отзывается он без особого энтузиазма. – Как всегда, Лючия. Сначала ты звонишь, потом появляются проблемы.

Я вздыхаю и решаю сразу взять быка за рога.

– Помнишь Брук? Мою подругу, – начинаю я. – Я как-то рассказывала о ней. Мы познакомились лет пять назад, когда она только начинала карьеру модели. Она была на одном из показов у мамы, еще до того, как ее мечты... скажем так, не оправдались.

– И? – с нажимом спрашивает он, и в этом коротком слове я слышу все: его нетерпение, привычку отсекай лишнее, его вечное «давай ближе к делу».

Я делаю глубокий вдох, понимая, что надо объяснить все максимально емко.

– Она получила контракт в Европе. Казалось бы, это шанс всей жизни. Но сейчас... что-то не так. Она почти перестала писать. Ее сообщения стали странными, сухими. А теперь она просто... исчезла. Ее агентство тоже толком ничего объяснить не может.

– Исчезла? – переспрашивает Дерек, слышу скептицизм в его голосе. – То есть ты хочешь сказать, что она пропала?

– Не совсем, – отвечаю я, хотя внутри все сжимается. – Она писала мне около месяца назад, но это было какое-то... неестественное. А теперь вообще тишина. Ей это несвойственно.

– Хм, – бормочет Дерек, и я почти физически чувствую, как его мозг начинает работать. – А с ее родителями, близкими говорила?

– Нет. Когда Брук бросила колледж ради модельной карьеры, то сильно поругалась с семьей. Ее мама считала, что она дурочка, которую используют. Они не общаются. Думаю, для них нет ничего странного в том, что она редко выходит на связь. А близких в Нью-Йорке у нее нет.

– Может, слишком занята работой, – продолжает Дерек.

– Она никогда не пропадает. Даже когда работала на нескольких работах и бегала по кастингам. Мне не нравится эта ситуация. Я волнуюсь, – более напористо продолжаю я.

Дерек тяжело вздыхает. И я знаю этот вздох. Он сдается. И его следующий вопрос подтверждает мою мысль:

– Что ты знаешь об этом контракте?

– Почти ничего, – признаюсь я. – Она подписала его с небольшим агентством. Брук говорила что-то про Милан или Париж, но точно я не знаю.

– Небольшое агентство, – повторяет Дерек задумчиво. – Не хочу признавать, но такие всегда оказываются проблемными.

– Именно поэтому я и позвонила тебе, – говорю я, чувствуя, как мое сердце начинает биться чаще. – Ты можешь проверить их? Может быть, найти информацию о других моделях, которые работали с ними? Она почти ничего мне не рассказывала. Боялась сглазить. Агентство «JTMmodels». Я искала про него информацию, но ничего стоящего нет.

Дерек молчит несколько секунд, и в этой тишине я слышу, как он обдумывает каждое слово. Наконец, он произносит:

– Хмм...

И ответ очень содержательный! Почему каждое слово приходится вытаскивать?

– Ты думаешь, это что-то... подозрительное? – спрашиваю я, стараясь скрыть тревогу в голосе.

– Не обязательно, – отвечает Дерек. – Но такие небольшие агентства часто действуют на грани закона. Они могут заманивать девушек обещаниями карьеры, а потом заставлять работать в плохих условиях.

– Ты про долги за проживание, штрафы за любую мелочь? – уточняю я, чувствуя, как холодок пробегает по спине. Ведь сама же тоже уже об этом думала.

– А еще запрет на связь с внешним миром и ее контроль, – договаривает он. – Короче говоря, модель оказывается в ловушке. Ее паспорт забирают, денег нет, и выхода тоже нет.

– Но Брук состояла в этом агентстве около года, – говорю я, пытаюсь убедить и себя, и Дерек. – У нее даже была нормальная модельная работа. Мы вместе ходили на показы, она рассказывала о съемках... Это не похоже на ловушку. И он...

– А что именно она рассказывала? – перебивает он, и его голос становится более внимательным. – Подробности есть?

Я задумываюсь, пытаюсь вспомнить разговоры с Брук. Оглядываю спальню, словно надеясь найти подсказки среди знакомых вещей. Но вижу лишь скомканное покрывало на кровати после беспокойного сна, а на полу пару книг и зарядку от телефона. Взгляд переходит на стену, где висят постеры с модными обложками журналов, а потом возвращается к столешнице, заваленной записками и ручками. Но все это совсем не помогает мне собрать воедино те моменты, которые я так отчаянно пытаюсь понять.

– Она говорила, что работала с небольшими брендами, делала каталоги для интернет-магазинов, иногда участвовала в показах... Все казалось довольно обыденным. Ничего особенного, но и ничего плохого.

– Хм, – снова бормочет он. – Звучит стандартно. Но это не значит, что все чисто. Такие агентства часто начинают с легальных проектов, чтобы завоевать доверие. А потом предлагают что-то «большее». Например, контракт за границей.

– И что дальше? – спрашиваю я, чувствуя, как тревога сжимает грудь.

– Дальше начинаются ограничения. Они могут сказать, что девушка должна отработать затраты на ее переезд, проживание или обучение. Или что у нее долги перед агентством. А когда она пытается выйти из игры, оказывается, что ее подписали на кабальный контракт.

– Но Брук не стала бы подписывать ничего подозрительного, – возражаю я. – Она была осторожной. Да и вообще, она мечтала об этом всю жизнь.

– Лючия, – произносит Дерек тоном, который я знаю слишком хорошо: спокойным, но с предупреждением. – Даже самые осторожные люди поддаются на обещания. Особенно если они отчаянно чего-то хотят. Ты позвонила мне за мнением и за помощью. Мое мнение такое.

Я молчу, осмысливая его слова. Он прав. Брук действительно была готова на все ради своей мечты. Но я все равно не могу поверить, что она могла попасть в такую ситуацию.

– Ладно, – вздыхаю я. – Что ты можешь сделать?

– Для начала соберу информацию об этом агентстве, – говорит он. – Проверю их легальность, отзывы, связь с другими компаниями. Если повезет, найду что-то о других моделях, которые через них проходили.

– А если не повезет? – спрашиваю я, хотя боюсь услышать ответ.

– Тогда придется искать другие способы, – отвечает он уклончиво. – Но это уже будет зависеть от того, что мы найдем. Но думаю, что ее просто обманули на деньги, если там что-то нечисто.

– Понятно... – протягиваю я. – Но все равно странно: она бы могла обратиться за помощью. Попросить у меня деньги.

– Может, ей стыдно, – предположил Дерек.

– Если бы ты знал, что она мне рассказывала за годы нашей дружбы, то не делал бы такие выводы, – уверенно заявляю я, вспоминая бурную жизнь еще несколько лет назад.

– Предпочту и дальше не знать, – отзывается Дерек и серьезнее продолжает: – Пришли мне все, что у тебя есть: ее последние сообщения, контакты этого агентства, любую информацию. Чем больше данных, тем лучше.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Я скину тебе все, что найду.

– И еще, – добавляет он с нажимом. – Больше не пытайся связаться с этим агентством.

– Хорошо. Что еще я могу сделать?

Слышу, как Дерек обреченно вздыхает. Он, конечно, прекрасно понимает, что ответ «жди моего звонка» я не приму.

– Если ты действительно хочешь помочь, начни с того, что у тебя уже есть. Проверь ее последние сообщения. Внимательно. Может быть, там есть какие-то намеки, которые ты раньше упустила. Иногда люди оставляют подсказки, даже не осознавая этого.

Я киваю, хотя он не видит меня. Это логично. Брук могла пытаться сказать что-то между строк. И я об этом уже думала...

– А еще поищи в социальных сетях, – продолжает он. – Посмотри, были ли у нее новые посты или активность после отъезда. Иногда людей заставляют выкладывать что-то, чтобы создать видимость нормальной жизни. Но если присмотреться, можно заметить странности: одинаковые фоны, шаблонные тексты, отсутствие личных деталей.

– Я уже смотрела все это, но сделаю еще раз, – быстро соглашаюсь я.

– Вот и отлично, – говорит он уже мягче. – Как только найду что-то конкретное, свяжусь с тобой. Но пока что... просто жди и собирай информацию.

– Спасибо, Дерек, – выдыхаю я, чувствуя, как груз на плечах чуть облегчается.

– Не благодари пока, – бурчит он. – У нас еще ничего нет. И я пришлю тебе счет.

Когда разговор заканчивается, я сразу открываю ноутбук и начинаю копаться в старых переписках с Брук. Каждое ее сообщение теперь кажется мне подозрительным. Я перечитываю их снова и снова, пытаюсь найти хоть какой-то намек, который раньше упустила.

Ее первые письма были полны энтузиазма. Она писала о новых людях, показах, городах, которые видела. Но потом что-то изменилось. Сообщения стали короче, будто она спешила закончить разговор. Одно из них особенно цепляет меня:

«Здесь все немного сумасшедшее, но я справляюсь. Не волнуйся за меня. И прости. Постоянные кастинги, примерки...»

И тогда я отнеслась к этому с пониманием, ведь я знала: у начинающих моделей может быть больше десятка кастингов за день, где их чаще всего даже не ждут. А очереди на них растягиваются на часы, вынуждая стоять в ожидании, которое кажется бесконечным.

Я открываю ее страницу в соцсетях. Последние посты выглядят идеально: модные образы, европейские улички, профессиональные фотографии. Но чем дольше я смотрю, тем больше замечаю деталей, которые раньше ускользали от меня. На всех фотографиях она одна. Ни друзей, ни коллег, ни случайных встреч. Подписи под фото звучат как реклама: «Спасибо за возможность работать с таким потрясающим брендом!» или «Европа – это мечта!». Но нет ни одной личной детали, ни одного упоминания о том, как ей живется.

«Но обо всем этом она еще писала мне в сообщениях», – напоминаю я себе.

Решаю сопоставить ее сообщения с фотографиями, чтобы понять, насколько они совпадают. Если она действительно была занята кастингами и показами, то хотя бы часть ее слов должна отражаться в соцсетях.

«Показы проходят один за другим, я даже не успеваю толком отдохнуть. Сегодня была в Милане, завтра еду в Париж. Но все это немного странно... Люди здесь такие холодные. Не знаю, как объяснить. Хотя, конечно, это не летний лагерь... Чего еще ждать?»

Я открываю ее соцсети и ищу упоминания о Милане или Париже. И нахожу только две фотографии: одна сделана на фоне собора Дуомо, другая – у Эйфелевой башни. На обеих она одна, позирует с улыбкой. В подписях ни слова о показах, только банальные фразы: *«Милан – город моды!»*, *«Париж всегда вдохновляет!»*.

Но больше всего меня настораживает дата этих фотографий. Обе были опубликованы почти одновременно, хотя между ними, судя по ее сообщению, должно было пройти несколько дней. Хотя если она загружена, то могла просто опубликовать два фото в один день, когда выдалась свободная минутка.

Я перечитываю еще одно ее сообщение:

«Сегодня был сумасшедший день. Кастинг с утра, потом примерка платья для одного бренда. Они сказали, что я идеально подхожу, но контракт пока не подписывали. Надеюсь, все получится.»

Ищу упоминания об этом бренде. Ничего. Ни одного фото в доме бренда, ни одного логотипа компании, ни одного комментария, который мог бы подтвердить ее слова. Это странно. Начинающие модели обычно гордятся своим участием в проектах и стараются продвигать бренды, с которыми работают.

Еще одно сообщение цепляет меня своей странной интонацией:

«Я очень устала. Неужели у моделей такая тяжелая жизнь...»

Я возвращаюсь к своему насмешливому ответу и чувствую, как щеки начинают гореть от стыда. В тот момент мне казалось, что Брук просто драматизирует, мол, вот она, жизнь модели, среди красивых городов и гламурных показов, где единственная проблема заключается в бесконечных кастингах и усталости. Я даже мысленно усмехнулась тогда, считая ее слова театральной жалобой на «трудности успеха». Но теперь меня начинает терзать сомнение: а что, если все было серьезнее? Что, если за ее словами скрывалась не просто усталость, а нечто большее – тревога, страх или даже отчаяние?

Теперь каждая строчка ее писем кажется мне загадкой, которую я упустила. И чем больше я думаю об этом, тем сильнее меня охватывает чувство вины. Возможно, я слишком легко отмахнулась от ее намеков, решив, что это просто часть игры. А что, если ей нужна была не насмешка, а поддержка? Но ведь тогда она писала часто, не было причин искать в ее сообщениях другой смысл...

Боже... Как же мне теперь все это не нравится.

Решаю отправить ей письмо. Что-то простое, но с намеком, чтобы она поняла: я о ней помню.

«Привет, Брук! Как дела? Скучаю по нашим разговорам. Знаешь, думаю осенью сменить обстановку – съездить в Европу. Мы могли бы встретиться...»

Уже собираюсь отправить сообщение, но мой взгляд случайно падает на документы программы «Bridging». Зимой я познакомилась с одной девушкой, которая участвовала в этой программе, и с тех пор сама загорелась идеей попробовать что-то подобное. Уехать преподавать куда-нибудь в Восточную Европу казалось захватывающей возможностью, учитывая, что я много общалась с моделями оттуда и слышала от них разные мнения о Нью-Йорке. Мне даже удалось убедить редактора, что я смогу совмещать работу издалека: напишу серию статей о том, как нас, жителей Нью-Йорка, воспринимают за пределами нашего привычного мира, про их ожидания и реальность. Весной я подала заявку, но ответ так и жду...

И решаю дополнить сообщение для Брук:

«...Кстати, я еще думаю принять участие в очередной программе. Но об этом лучше расскажу при встрече. Напиши, пожалуйста, о своих планах. Очень хочу увидеть тебя. Ты же меня знаешь! Я тебя достану.

Целую. Обнимаю»

Отправляю и откидываюсь на спинку стула. Теперь остается только ждать ее ответа. Конечно, если ситуация действительно серьезная, то, возможно, такое сообщение даст Брук повод намекнуть или хотя бы убедить тех, кто рядом, что мне проще ответить, ведь я продолжу писать.

Тревога все еще тяготит, но я стараюсь сохранять спокойствие. Главное – не торопить события и не поддаваться паранойи.

Пока ответа нет, я решаю проверить еще один факт. Брук упоминала, что работает с небольшими брендами. Я начинаю искать местные бренды Парижа и Милана, которые она упоминала в переписке, в интернете, просматривая их сайты и социальные сети. И вот что странно: на всех фотографиях модели разные, но среди них нет Брук. Делаю поиск по ее фото. Она же говорила, что делает каталоги для интернет-магазинов. Но снова ее нигде нет.

Черт... Совсем не успокаивает паранойю.

Эта мысль не дает мне покоя на протяжении всего дня, который я просиживаю за поиском информации. Если Брук действительно работала на показах и съемках, почему нет ни одного доказательства? Ни одного фото, ни одного упоминания о ее участии?

Я чувствую, как внутри нарастает тревога. Что, если она попала в беду? Что, если ее больше нет там, где я ее ищу?

Но я не могу позволить себе паниковать. Сейчас важно собрать как можно больше информации. Потому что, если с Брук что-то случилось, я должна быть готова действовать и вспомнить буйное прошлое.

А пока что остается только ждать звонка от Дерека. Отправить ему все то, что он просил. И не опоздать на семейный ужин.

2.

Я опаздываю. Конечно же, я опаздываю. Таксист что-то бормочет под нос, явно недовольный пробкой на Манхэттене. Я ерзаю на заднем сиденье, то и дело поглядывая на часы. Уже представляю, как папа будет иронизировать, что нет такого дня, когда мы с мамой обе приходим вовремя.

– Можно быстрее? – спрашиваю я таксиста, прекрасно понимая, что он ничего не может сделать. Его машина стоит в ряду других автомобилей, словно замерших в бесконечном металлическом потоке.

Он бросает на меня взгляд через зеркало заднего вида, но молчит. Что он мог сказать? «Да, миз, сейчас взлечу над машинами?». Нет, конечно, это Нью-Йорк. Здесь даже полицейские сирены не всегда помогают пробиться через эти пробки.

Я откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза, пытаюсь убедить себя, что это не так уж плохо. Ну да, я опаздываю. Но ведь причина этому гораздо важнее, чем просто работа или очередной просчет в моем тайм-менеджменте. Я занималась поисками Брук. Это звучит серьезно, почти героически. По крайней мере, мне хочется так думать.

Представляю, как войду в ресторан, где родители уже сидят за столиком. Мама, элегантная, как всегда, начнет смеяться и гордиться, что провинилась сегодня не она. А папа... папа, скорее всего, будет хмуриться, глядя на часы, и делать вид, что мое опоздание выбило его из графика всей его жизни.

Хотя даже в такие моменты я знаю: он любит нас обеих больше всего на свете. Их история знакомства всегда казалась мне невероятно романтической. Они оба только начинали тогда – совсем молодые, полные надежд и амбиций. Отец как раз окончил колледж и делал первые шаги в юриспруденции, а мама пыталась воплотить свою мечту в жизнь, запустив собственное дело в Нью-Йорке. Именно тогда она обратилась в юридическую контору для регистрации и сопровождения ее бизнеса, где работал отец.

Опытным адвокатам особо не было дела до молодой итальянки без денег, с кучей вопросов и амбициозной идеей, которая едва ли могла показаться кому-то реальной. Но отца зацепило что-то в ней – ее огонь, ее непоколебимая вера в себя. Он увидел в маме то, чего другие не заметили: силу, страсть и потенциал.

Все, что они имеют сейчас, они построили сами. Вместе. И пусть отец иногда кажется нудным и чересчур строгим, а мать, наоборот, поражает своей громкостью и легкой инфантильностью, это, кажется, совсем не мешает их союзу. Скорее, они дополняют друг друга, словно две части единого целого.

Отец – человек системы, педантичный до мелочей, с твердыми принципами и почти математическим подходом к жизни. Он всегда говорит обдуманно, действует аккуратно и никогда не позволяет себе лишних эмоций. Мама же полная его противоположность: страстная, импульсивная, способная в один момент увлечься новой идеей так, будто это главная цель ее жизни. Она живет эмоциями, и именно эта ее особенность делает ее такой яркой, но порой и непредсказуемой.

И все же, несмотря на все различия, они словно созданы друг для друга. Отец добавляет маме стабильности, она придает ему легкости и теплоты. Они поддерживают друг друга там, где сами по себе могли бы потерять равновесие.

Когда я, наконец, добираюсь до ресторана, хостес встречает меня дежурным «Добрый вечер, мисс Коуэлл» и сообщает, что меня уже ждут. Я иду за ней мимо столиков с белыми скатертями, за которыми сидят люди, но мысли о Брук так и не отпускают. Интересно, сколько Дереку понадобится времени?

– А вот и Лючия, – произносит отец, поднимаясь из-за стола. Его тон слегка насмешлив, но в глазах читается та самая привычная теплота, которую он редко показывает на людях.

На нем сегодня необычный костюм: темно-синий, с едва заметным узором акульей кожи. *«Наверняка выбор мамы»*, – думаю я, отметив, как элегантно он выглядит. Она всегда обладала безупречным вкусом и умела подчеркнуть его достоинства даже в мелочах.

– Простите, – начинаю я виновато, обнимая отца. Мой взгляд тут же перемещается на маму, которая смотрит на меня с легкой укоризной, но все же улыбается. Я целую ее в щеку, чувствуя знакомый аромат ее духов, и добавляю: – Работа затянулась.

– Это как-то связано с тем, что ты дернула Дерека? – усмехается отец, но в его голосе все равно слышится серьезность. Он знает, что я не стала бы беспокоить Дерека просто так. Для него это всегда сигнал, что дело действительно важное.

Я поджимаю губы, не желая прямо сейчас вдаваться в подробности. К счастью, официант появляется как нельзя кстати, предлагая меню. Я благодарно принимаю его, надеясь, что эта пауза поможет мне собраться с мыслями.

– Брук не дает о себе знать из Европы, – произношу я, откладывая меню в сторону. Мой голос звучит спокойно, но внутри все сжимается. – И... меня это волнует.

Мама тут же реагирует, мягко кладя свою руку на мою. Ее пальцы теплые, успокаивающие, как всегда.

– Ох, милая, – вздыхает она. – Может, просто занята? Ты же знаешь, какая у них сумасшедшая работа. Постоянные показы, переезды... Все такое непредсказуемое.

Я киваю, соглашаясь. Пока что решаю не рассказывать обо всех странностях, несоответствиях, которые заметила сегодня. Слишком много мыслей крутится в голове, и я не уверена, что готова делиться ими за этим столом.

– Да, возможно, – говорю я, стараясь придать своему голосу уверенности, которой на самом деле нет. – Но мне будет спокойнее, если Дерек все проверит. И подтвердит.

Отец продолжает смотреть на меня своим «профессиональным взглядом» – тем самым, который он использует в работе. Непрерывный, пронизывающий, с легким прищуром. Я чувствую, как он анализирует каждое мое слово, каждую паузу. Уверена, он уже понял, что я недоговариваю.

Но прежде чем он успевает что-то сказать, мимо меня пролетает салфетка и приземляется прямо на его груди.

– Рейнольд, перестань смотреть на дочь, как на подозреваемую, – осекает мама, бросив на него строгий взгляд.

Отец поднимает бровь, но салфетку убирает.

– Я просто беспокоюсь, – произносит он, сложив руки на столе, и в его голосе слышится та самая знакомая интонация, которая не оставляет места для сомнений.

И я слишком хорошо понимаю, что он вкладывает в эти слова. Благодарю, увы, я никогда не отличалась, особенно в те времена, когда училась в колледже и пыталась пробиться в журналистику своими первыми расследованиями. Тогда казалось, что мир полон загадок, которые только и ждут, чтобы их раскрыли. И я, само собой, была готова на все ради хорошей истории. Взломы электронной почты, попытки выдать себя за кого-то другого, обвинения в преследовании – все это было частью моей «горячей поры». словно жизнь детектива-неудачника из дешевого сериала.

Должна признать, мне крупно повезло, что у отца своя юридическая фирма, с целой армией адвокатов, связей и денег, которые помогали вытаскивать меня из передряг. Не раз и не два он закатывал глаза, качал головой и говорил: «Лючия, ты хоть понимаешь, во что ввязываешься?» Но даже его строгие нотации не могли меня остановить. Тогда я была уверена, что правда стоит любых рисков.

Теперь же, сидя напротив него за этим столом, я чувствую легкий укол стыда. Возможно, он снова прав. Возможно, я опять бросаюсь в водоворот событий, до конца не осознавая последствий. Но одно я знаю точно: если с Брук что-то случилось, я не смогу просто сидеть сложа руки. Даже если это будет означать, что придется снова испытать судьбу и проверить свое благоразумие на прочность.

Я смотрю на отца и замечаю, как он слегка приподнимает бровь, словно читая мои мысли. Он всегда умел это делать – видеть то, что я старалась скрыть.

– Обещаю быть осторожной, – говорю я, пытаюсь звучать уверенно, и тут же добавляю: – Но признай. Чаще всего я была права.

Он вздыхает, но больше ничего не добавляет. Как говорится, «не могу подтвердить, не могу и опровергнуть». На моем счету уже были истории, которые начинались с простого предчувствия и заканчивались разоблачениями местного масштаба. Правда, иногда они доставляли столько хлопот, что даже Дерек ворчал, а отец качал головой, говоря, что я слишком часто «играю с огнем».

Но сейчас я знаю точно: если я права насчет Брук, то это не просто очередная догадка или журналистский инстинкт. Это нечто большее.

– Ладно, – произносит он наконец, слегка качнув головой, будто смиряясь с неизбежным. – Только помни, что я сказал. Осторожность прежде всего.

– Я помню, – заверяю я и прошу официанта подойти, чтобы сделать заказ.

И наш дальнейший семейный ужин проходит спокойно.

Ненавижу ждать. Но, к сожалению, это единственное, что мне остается. Сидя в редакции, я без особого интереса наблюдаю за коллегами: кто-то сосредоточенно стучит пальцами по клавиатуре, кто-то просто уставился в экран, периодически передвигая мышку. Мои мысли снова возвращаются к Дереку.

Прошло уже пять дней с тех пор, как мы разговаривали, а он все еще не позвонил. Я запрещаю себе набирать его номер, прекрасно зная, что он терпеть не может, когда его торопят. Когда появится проверенная информация, он сам свяжется со мной. Это правило я усвоила давно, но оно не делает ожидание легче. Но вдруг на экране появляется сообщение. Брук. Я так сильно вздрагиваю от неожиданности, что мое кресло даже слегка отъезжает назад.

«Привет, дорогая. Прости меня, пожалуйста. Но у меня появился один очень хороший контракт, и я все силы направила туда. Тожe очень хочу тебя увидеть, но не могу. Я сейчас в Греции. Тут жара во всех смыслах. Обязательно дам знать тебе, когда вернусь в Нью-Йорк. Хотя, наверное, перед этим заеду в Индионаполис. В последнее время очень много думаю о своей семье, скучаю. Неприятно признавать, но мама оказалась права – работа модели тяжелый труд. Все не так, как я себе представляла. Но я много работаю. И этот контракт очень хорош.

Скучаю. Целую. Обнимаю»

Я перечитываю письмо дважды, прежде чем написать ответ. И чувствую еще большую тревогу. Слова о матери. Ее правота. Мне сразу вспоминается, как Брук рассказывала мне про семейные скандалы. Ее мать не говорила, что работа модели – тяжелый труд. Она уверяла, что все это сети, чтобы заманить таких дурочек, как она...

Паранойя официально захватывает меня через три, два...

Мне становится тяжело дышать, но я все равно стараюсь написать ответ, который выглядит естественно и дружески, а не назойливо или подозрительно.

«А где в Греции? Я могла бы прилететь на выходные. И что за бренд? Мне очень-очень интересно. Мы сто лет не общались. Буду рада даже просто тебя обнять и посидеть десять минут в холле отеля»

И решаю, что это весома причина, чтобы позвонить Дерек. Тем более как у бывшего оперативника у него сохранилось куча связей, которые он применял, работая на отца.

– Привет, – произношу я, едва он берет трубку. И почти сразу чувствую его недовольство – на уровне инстинкта, даже прежде, чем он успевает что-то сказать.

– Лючия, – вздыхает он. Я чувствую предупредительные нотки в его голосе и понимаю, что в секунде оттого, что Дерек начнет меня отчитывать.

– Брук мне ответила, – быстро продолжаю я, не давая ему возможности высказаться, и пересказываю ему содержимое письма, особенно отмечая строчки про мать, а потом спрашиваю, вспомнив, что Дерек уже делал нечто подобное: – Ты можешь отследить это письмо?

– Боже... детективов пересмотрела? – беззлобно уточняет он.

– Сам рассказывал мне недавно про обман с местоположением и фальсификацией фото, – в свою защиту произношу я и серьезнее продолжаю: – Можешь или нет?

– Это зависит от множества факторов, – отвечает Дерек.

– Понятно, – выдыхаю я. – И все же?

– Отправь мне письмо, – продолжает он. – Я посмотрю, что можно сделать. Но не жди быстрых результатов. Такие вещи требуют времени. Знаешь, как отправить письмо, не потеряв данные?

– Конечно. А что с агентством? Есть уже какие-то новости?

– Пока ничего конкретного, – отвечает Дерек, и в его голосе слышится осторожность. Он не хочет давать ложных надежд. – «JTModels» действительно существует, но информация о них крайне скудная. Никаких серьезных проектов, никаких упоминаний крупных брендов. Это может быть либо очень маленькое агентство, либо... что-то другое.

– «Что-то другое» – звучит зловеще, – протягиваю я.

– Я проверил несколько моделей, которые, судя по соцсетям, работали с ними, – продолжает Дерек, игнорируя мои слова. – У всех примерно одинаковая история: месяц-два активности, потом полное молчание. Никаких интервью, новых контрактов или даже простых постов в соцсетях. Как будто они просто исчезают.

– Как Брук, – напоминаю я, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

– Она тебе отвечает, – напоминает Дерек. – И эти истории еще ничего не значат. Возможно, они просто меняют агентства или уходят из профессии. Однако совпадение странное. И я не могу найти какую-либо активность этих девушек в интернете.

– А что насчет Греции? – спрашиваю я, пытаюсь вернуться к письму Брук. – Ты можешь проверить, есть ли у этого агентства связи с Грецией? Или хотя бы найти информацию о контрактах там?

– Попробую, – говорит он. – Но это займет время.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Сейчас же пришлю письмо.

Разговор заканчивается, и я сразу открываю почту. Я решаю не рисковать и сохранить все, включая заголовки. Это занимает несколько минут, но я стараюсь действовать максимально аккуратно.

Когда письмо отправлено, я снова чувствую себя беспомощной. Теперь снова, в очередной раз остается только ждать. Но ждать и ничего не делать – это не мое.

Я возвращаюсь к ее сообщению и снова перечитываю его. Взгляд снова выхватывает строчки про семью.

Что если это действительно намек? Что, если она пытается сказать мне что-то между строк? Надеется, что я вспомню наши разговоры, как это и происходит?

Я открываю ящик, хватаю блокнот и начинаю выписывать ключевые моменты из ее письма:

Греция.

«Жара во всех смыслах».

Мама была права.

Индианаполис.

Может быть, это просто случайные фразы или игра моего воображения на почве беспокойства, а может быть, за ними скрывается что-то большее. Например, крик помощи. И я внимательнее вглядываюсь в записи, поскольку написание мыслей всегда помогало.

Решаю проверить, есть ли что-то общее между этими деталями. Открываю браузер и начинаю искать информацию о модельных агентствах в Греции. Если Брук действительно там, возможно, кто-то уже сталкивался с подобными ситуациями, и я смогу ей помочь.

3.

«Прости, но все выходные я работаю. Мне будет очень неудобно, если я буду знать, что ты приехала из-за меня, Люч, а я не могу провести с тобой время. Давай как-нибудь в другой раз. Не обижайся»

Письмо приходит уже вечером, и я тут же звоню Дереку. Кроме телефона, в руке у меня бокал вина – попытка немного успокоить нервы, которые натянуты до предела.

Я зачитываю и замолкаю, ожидая его реакции.

– Не дави на нее, – произносит Дерек после короткой паузы. Его голос звучит сухо, без эмоций, но я знаю, что это просто деловой тон. – Если она действительно оказалась в беде, то ей будет только хуже, если ее «начальство» решит, что ты можешь представлять проблему.

Отпиваю глоток вина, пытаюсь осмыслить его слова. Конечно, он прав. Но как можно просто сидеть и ничего не делать, когда твоя подруга, возможно, нуждается в помощи?

– Я понимаю, – отвечаю, хотя внутри все больше растет решимость действовать. – Ты что-то выяснил про первое письмо?

– Да. Мой человек смог отследить его. IP-адрес вайфая действительно ведет в Грецию. Город Коница. Местная кафешка.

Я хмурюсь, сильнее сжимая ножку бокала. Коница? Название ни о чем не говорит...

– Может, пора связаться с полицией? – предлагаю я.

– И что ты им скажешь? – скептически спрашивает Дерек. – Что твоя подруга пишет, что работает в Греции, и выясняется, что она действительно в Греции? Что тебя волнует, что она редко и как-то не так отвечает тебе? Это неприятно, но это не преступление.

– Но что, если это не ее выбор? Вдруг она действительно без денег и документов и пишет под контролем? – возражаю я, чувствуя, как внутри все сжимается. – Что, если она в беде, а мы просто сидим и ждем?

Дерек молчит несколько секунд. Возможно, зная его, про себя материт меня и себя за то, что снова связался со мной.

– Послушай, Лючия. Я понимаю твое беспокойство. Но если ты сейчас пойдешь в полицию без конкретных доказательств, они просто отмахнутся. А если ты начнешь делать резкие движения, это может только усугубить ситуацию для Брук. Нет состава преступления. Нет повода начинать расследование.

Я откидываюсь на спинку стула и ставлю бокал. Дерек прав. Без четких фактов, доказательств полиция ничего не сделает. Но что тогда остается мне?

– Хорошо, – выдыхаю я, стараясь взять себя в руки. – Тогда что дальше? Мы знаем, что она в Конице. Это уже что-то. Может быть, можно найти какие-то контакты там? Или хотя бы проверить, есть ли в этом городе офисы этого агентства?

– Я уже начал копать в этом направлении, – отвечает Дерек. – Но пока информации мало. Если агентство действительно замешано в чем-то нелегальном, то оно действует через подставные компании или партнеров за границе, и следы будут тщательно замаскированы.

– Значит, нам нужно искать шире, – говорю я, чувствуя, как в голове начинают формироваться новые идеи. – Например, местные новости. Местные активисты. Всякие местные сообщества. Там обычно вся информация о городе. Их порядки. Что если речь о какой-то местной мафии? Преступной группировке? А «JТModels» – это просто прикрытие? Может быть, они занимаются чем-то нелегальным? Например, рабством или...

– Успокойся, – перебивает Дерек. – Я тоже думаю об этом. Но пока у нас нет доказательств, указывающих на подобный масштаб. Продолжай собирать информацию. И не делай резких движений. Я попрошу отследить и последнее письмо.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

– И помни, что я сказал, – добавляет Дерек, снова переходя на строгий тон. – Не дави на нее. Если ты начнешь задавать слишком много вопросов или намекать на помощь, это может только усугубить ситуацию. Особенно если за ней следят.

– Я поняла, – твердо произношу и снова тянусь к бокалу вина. Надо запить эту панику.

– Вот и отлично. Как только появится что-то новое, я свяжусь с тобой, – продолжает Дерек.

Когда разговор заканчивается, смотрю на экран телефона, чувствуя, как тревога нарастает.

Решаю ответить на ее последнее сообщение. Просто, чтобы не вызывать подозрений.

«Ладно, Брук, не переживай. Работа есть работа. Буду рада увидеться, когда тебе станет удобнее. Целую».

Отправляю сообщение и снова открываю ее профиль, просто смотря на фото. Затем решаю расширить поиск и начинаю просматривать местные новости Коницы. Если в городе действительно была модная съемка или мероприятие, на которое Брук возлагала большие надежды, возможно, об этом упоминают в местных изданиях или социальных сетях.

Открываю несколько сайтов и просматриваю заголовки, но ничего конкретного не нахожу. Ни одного намека на события, связанные с миром моды. Решаю зайти еще глубже: проверяю форумы, группы в соцсетях и даже комментарии под новостями. Возможно, кто-то из местных жителей видел ее или слышал что-то о приезжих моделях.

Но чем дольше я ищу, тем больше понимаю: если Брук и была в Конице, ее старательно скрывают. А это не тянет на тактику модельных агентств.

Бокал вина уже допит, и я с досадой рассматриваю последние капли на дне. Нет информации. Нет вина. Есть только чувство вины и беспокойство, которое растет с каждой минутой. Я отставляю бокал, поправляю очки и тянусь за блокнотом, куда начала записывать заметки. Бегло просматриваю записи, пытаюсь собрать воедино все, что знаю. Делаю пометку о Конице, хотя это слово ничего мне не говорит.

Что вообще могло понадобиться бренду в приграничном городе? Дешевле организовать съемку? Какие-то особенные локации или виды? И как после Милана и Парижа Брук оказалась в Греции? Эти вопросы крутятся в голове, но ответов у меня нет.

Головная боль усиливается, мысли путаются. Я не могу найти объяснения, но могу попытаться отыскать других моделей из этого агентства. И даже знаю, с чего начать. Офис мамы. Возможно, кто-то из ее знакомых или сотрудников сталкивался с «JTMmodels» или моделями оттуда. В модной индустрии все друг друга знают.

На следующий день, около полудня, я решаюсь навестить мать. От редакции до ее мастерской в Сохо не так уж далеко – минут двадцать ходьбы, если не считать возможных задержек на светофорах или случайных остановок перед витринами магазинов. Решаю пройти пешком, чтобы не застрять в пробках и немного жалею, что утром сделала выбор в пользу босоножек «Маноло Бланик» и зеленого платья по фигуре «Miu Miu», а не кроссовок и костюма «Jasquemus».

Выхожу из офиса и сразу оказываюсь в типичной для Трайбеки смеси: модные кофейни соседствуют с небольшими галереями, а где-то за углом слышится гул строительной техники. Улица заполнена людьми – кто-то спешит на встречу, кто-то неторопливо прогуливается, разглядывая витрины. Воздух уже начал нагреваться, хотя солнце пока еще не достигло своего пика. Поправляю солнцезащитные очки ивливаюсь в поток людей.

Поворачиваю на Вест-Бродвей, и вот он – Сохо, со всем своим блеском и хаотичным шармом. Здесь всегда есть что-то, что притягивает взгляд: баллюстрады, магазины с огромными окнами, демонстрирующими последние коллекции, и, конечно же, бесконечный поток туристов, фотографирующихся на фоне знаменитых уличных вывесок.

Наконец, я добираюсь до мастерской матери. Это старое здание. Историческое. Оно кажется немного чужеродным среди окружающей роскоши: потертая железная дверь и узкая лестница, которая ведет наверх.

Как только я переступаю порог, меня встречает Клэр, мамин верный ассистент. Она стоит у стола, окруженная бумагами и образцами тканей, и выглядит так же собранно, как всегда.

– Привет, Клэр, – с улыбкой здороваюсь я.

Клэр тут же оборачивается и я вижу в ее взгляде растерянность. Кажется, она пытается вспомнить, должна ли я приехать.

– Привет, – здоровается она, подходя ко мне. – Ты к маме? Она сейчас на встрече...

Черт. Надо было ей позвонить перед этим. Собираюсь узнать подробности, но тут меня осеняет: Клэр наверняка знает больше, чем мама, особенно если речь касается организационных вопросов. Вряд ли мама помнит из каких агентств к ней приходят.

– Жаль... Может, ты мне поможешь? Есть несколько минут? – интересуюсь я.

– Да, – посмотрев на наручные часы, сообщает Клэр. – Только недолго. И если ты не возражаешь, что я буду есть.

– Конечно.

Вскоре мы уже устроились на кухне. Клэр возится с кофеваркой, а ее стажер тем временем приносит ей заказанный ланч. Я откидываюсь на стуле, пытаюсь скрыть свое волнение за непринужденной беседой. Когда передо мной появляется чашка с дымящимся кофе, я благодарно улыбаюсь.

– У мамы работают модели из «JTMmodels»? – спрашиваю я, осторожно отпивая глоток. Кофе горячий, но вкусный.

Клэр даже не задумывается ни на секунду.

– Нет, – уверенно отвечает она, раскладывая приборы и разворачивая свой ланч.

На самом деле, меня это не удивляет. Брук попала к маме через другое, более крупное агентство, с которым в итоге не сложилось. «JTMmodels» всегда казались слишком мелкими для такого уровня проектов.

– А ты знаешь моделей оттуда? – продолжаю я. – Или, может быть, кого-то, кто с ними сотрудничал? Я бы хотела с кем-нибудь встретиться... По работе.

Клэр поднимает на меня взгляд, явно оценивая мои намерения. Она делает пару аккуратных глотков кофе, прежде чем ответить:

– Не уверена, – произносит Клэр медленно, пожимая плечами. – Но могу попробовать узнать. Ты ведь понимаешь, что такие агентства редко работают с крупными брендами?

– Да, понимаю, – киваю я, стараясь сохранять спокойствие, хотя внутри все натянуто как струна. – Буду очень признательна.

Клэр открывает контейнер с едой, и в воздухе сразу же разливается аппетитный аромат лосося. Но мне совершенно не хочется есть. Я механически отпиваю еще глоток кофе.

– Подожди секунду, – говорит она, доставая телефон. Ее пальцы быстро скользят по экрану. – Сейчас пришлю тебе номер одного кастинг-директора. Он часто сотрудничает с небольшими агентствами. Считает, что в них больше потенциала и... энтузиазма. Может, он сможет тебе чем-то помочь.

Чувствую, как сердце начинает биться чаще. Номер кастинг-директора – это уже что-то конкретное. Такие люди знают всех.

– Спасибо, Клэр. Это очень ценный контакт.

– Скажи, что от меня. Это облегчит дело, – добавляет она с легкой усмешкой.

– И еще раз: спасибо.

Пока Клэр продолжает есть, я достаю свой телефон и открываю сообщение с номером. Имя директора – Марк Делани. Я решаю не терять времени и сразу набираю его номер.

И Клэр права. Стоило Делани услышать ее фамилию, он согласился на встречу.

Через полтора часа я уже стою перед входом в «The Daily Grind». Кафе расположено в деловом районе, и внутри царит спокойная атмосфера. За одним из столиков сидит мужчина лет сорока пяти в строгом костюме. Он просматривает документы, но, заметив меня, поднимает взгляд и улыбается.

– Лючия? – спрашивает он, когда я подхожу.

– Да, это я, – киваю, протягивая руку. – Спасибо, что согласились встретиться.

Мы обмениваемся рукопожатием, и я устраиваюсь напротив него. Официант приносит меню, но я сразу заказываю кофе, чтобы не терять времени.

– Так о чем именно вы хотите узнать? – спрашивает Марк, откладывая свои бумаги в сторону.

– Меня интересуют модели «JTModels», – начинаю я. – У вас есть контакты кого-то, кто мог бы со мной поговорить?

Марк слегка наклоняет голову, словно оценивая мой вопрос. Его взгляд становится задумчивым, а пальцы машинально постукивают по краю стола.

– «JTModels»... – протягивает он, нахмутив лоб. – Да, я работал с этим агентством. Но сразу скажу: они не из тех, с кем я предпочитаю сотрудничать.

Я внутренне напрягаюсь. Все мои нехорошие предчувствия подтверждаются. В голове тут же всплывают вопросы: почему мы не проверили все, когда Брук решила подписать с ними контракт? Но тут же сама себе напоминаю: она сообщила об этом уже после того, как поставила подпись. Мы просто не успели ничего сделать.

И все же... А что, если она действительно закрыла глаза на какие-то тревожные сигналы? Что, если решила убедить себя, что с ней все будет иначе, несмотря ни на что? Ведь Брук всегда была готова пойти на риск ради своей мечты. Она так сильно хотела добиться успеха, что могла проигнорировать очевидные предупреждения. Или просто не заметить их за яркими обещаниями агентства.

– Это небольшое агентство, которое работает на грани... Как бы это сказать? Они больше известны в кругах дешевых каталогов и рекламы низкого уровня. Не то чтобы они были за пределами закона, но... Вы понимаете, да? Контракты там достаточно сомнительные...

– Понимаю, – киваю, чувствуя, как холодок пробегает по спине. – А вы знаете моделей, которые работали с ними? Или хотя бы людей, кто мог бы рассказать о них подробнее?

Он делает паузу, явно обдумывая ответ. Затем достает телефон и начинает листать контакты.

– Есть одна девушка. Ее зовут Эмили. Она работала с ними пару лет назад. Не могу гарантировать, что она захочет говорить, но если вам повезет, она может поделиться опытом.

– Это уже что-то, – отвечаю я, стараясь скрыть волнение. – Могу я получить ее контакт?

Марк хмурится. Мне сразу становится не по себе – его выражение лица говорит о том, что он колеблется.

– Она сейчас фитнес-тренер, – продолжает он после короткой паузы. – Я скину вам ее рабочие контакты, но... – он делает акцент на этом слове, и я невольно напрягаюсь, – она очень хороший тренер. Я бы предпочел, чтобы вы не говорили, что я вас к ней направил. Я бы и не направлял, если бы вы были не от Клэр.

Я быстро киваю, пытаюсь казаться максимально убедительной.

– Конечно, – заверяю я. – Скажу, что сама все выяснила.

Нам приносят заказ. Кофе дымится в чашке, но я едва замечаю его аромат – мысли заняты только одним: Эмили. Возможно, она знает что-то важное. Что-то, что поможет мне понять, что происходит с Брук.

Пока Марк неторопливо размешивает сахар в своей чашке, мы продолжаем разговор. Он рассказывает о мелких агентствах и их работе в Европе. Я не перебиваю, не задаю лишних вопросов, терпеливо ожидая возвращения темы «JTModels». И Марк заговаривает:

– Не под запись, Лючия, – предупреждает он и после моего кивка продолжает: – Знаете, я всегда относился скептически к их деятельности в Париже, Милане и Греции. Там слишком много «серых зон». Они работают через посредников, иногда даже через местные компании, которые сами по себе вызывают вопросы. И знаете, что самое интересное? Некоторые модели, которые уезжают туда, потом просто исчезают из поля зрения. Ни интервью, ни соцсетей, ничего. Я следил за парой перспективных девочек, но... – Марк разводит руками.

Его слова заставляют мое сердце сжаться. Я пытаюсь сохранять спокойствие, но внутри все переворачивается. Исчезают. Как Брук. Совпадение ли это?

– То есть вы считаете, что они могут быть замешаны в чем-то нелегальном? – спрашиваю я.

Марк пожимает плечами, но его взгляд становится еще более серьезным.

– Я не люблю делать поспешные выводы, – говорит он, отпивая кофе. – Но если хотите знать мое мнение, есть агентства, которые используют одни и те же схемы: обещания карьеры, контракты с кучей мелкого шрифта, невозможность отказаться. А когда модель оказывается в другой стране, ее уже никто не слышит. Относится ли к таким «JTModels» или нет – сказать не могу.

Я чувствую, как тревога нарастает. Все, что он говорит, идеально совпадает с тем, что Дерек предполагал ранее. И теперь я уверена: что-то с Брук случилось. Что-то плохое.

– Спасибо, Марк, – говорю я, закрывая блокнот, куда делала пометки. – Вы очень помогли.

– Пожалуйста, – отзывается он с легкой улыбкой, но в его голосе слышится нотка деловой настороженности. – И передавайте Клэр «привет». Если будете ссылаться на меня в статье, то я хочу знать об этом заранее.

– Конечно, – киваю я. – Я обязательно дам вам знать, если что-то решу использовать.

Его слова заставляют меня внутренне напрячься. Я понимаю, что он хочет быть осторожным, и это только подтверждает: тема, в которую я влезла, не так проста, как могла бы показаться на первый взгляд. Со мной вообще об этом говорят люди из индустрии, потому что я там кого-то знаю.

Марк поднимается из-за стола, давая понять, что разговор окончен. Я прощаюсь с ним и внимательнее смотрю в блокнот. Внутри все кипит – теперь у меня есть конкретное имя: Эмили. Модель, которая работала с «JTModels» и, судя по всему, не исчезла. Это уже прогресс.

И ей я решаю не звонить, а сразу увидеться лично, посетив зал, в котором она работает.

4.

Просматривая страницу Эмили в соцсетях – ее короткие ролики с тренировок, где она демонстрирует высокоинтенсивные интервальные упражнения, – я даже ловлю себя на мысли, что не просто хочу встретиться с ней, но и попробовать эту тренировку на себе. Все выглядит настолько энергично и вдохновляюще, что мне почти хочется взять перерыв от поисков Брук хотя бы на час и отвлечь полыхающий мозг.

Но времени заехать домой переодеться у меня уже нет – реальная работа в редакции не терпит отлагательств. Поэтому, приехав в фитнес-центр, где работает Эмили, решаю действовать напрямую. Подхожу к администратору и спрашиваю, когда можно будет поговорить с ней о тренировках.

К счастью, особых проблем не возникает. Девушка за стойкой сообщает, что Эмили сейчас проводит занятие, но скоро освободится. Я благодарю ее и присаживаюсь на удобный диванчик в холле, чтобы подождать. Пока жду, начинаю осматриваться. Центр, конечно, не из самых шикарных, но выглядит вполне достойно: современный ремонт, аккуратные раздевалки, множество направлений на любой вкус. На стенде с расписанием замечаю интересную программу – комбинацию балета, пилатеса и йоги. Возможно, стоит попробовать что-то подобное когда-нибудь. А то из спорта в последнее время только прогулки по Трайбеке на каблуках.

Внезапно мое внимание привлекает группа женщин, выходящих из зала. Они явно только что закончили тренировку: лица покрасневшие, волосы взмокшие, пот стекает по спинам. Все они активно обсуждают что-то между собой, время от времени глотая воду из бутылок.

Кажется, они как раз идут с тренировки Эмили.

И, видимо, хорошо, что я туда сегодня не успела.

Чутье подсказывает, что я бы там не выжила. И мое тело, завернутое в коврик, пришлось бы вывозить.

Следом за женщинами из зала энергично выходит высокая подтянутая блондинка в облегающих тайтсах и спортивном топе. Это она – Эмили. Сразу узнаю ее по фотографиям, которые видела в соцсетях. Она снимает микрофон с головы, аккуратно кладет его на стойку и оглядывается. В этот момент администратор замечает меня и, указав на меня взглядом, что-то коротко говорит ей. Эмили поворачивается в мою сторону, и наши взгляды на мгновение встречаются. Она тут же улыбается и направляется ко мне.

– Привет, – вставая с дивана, отзываюсь я с улыбкой, стараясь казаться максимально непринужденной. – Меня зовут Лючия. Можно поговорить с тобой в каком-нибудь спокойном месте?

Эмили окидывает меня быстрым взглядом и тепло улыбается в ответ:

– Привет. Приятно познакомиться. Я Эмили. Конечно, пойдём. У нас есть бар, там можно поговорить. Только не рассчитывай на алкоголь – только здоровая пища и напитки, – смеется она.

Я киваю, внутренне радуясь ее открытости. По крайней мере, она не кажется настороженной или холодной. Пока мы идем через холл к бару, я замечаю, как уверенно она двигается: каждый ее шаг выглядит выверенным, будто она даже в повседневной жизни следует какому-то невидимому ритму тренировок.

Когда мы подходим к барной стойке, она жестом предлагает мне сесть и интересуется:

– Что предпочитаешь? У нас есть свежевыжатые соки, смузи, травяные чаи...

– Смузи звучит отлично, – отвечаю я, решив, что это безопасный выбор. Сама же наблюдаю за ее реакцией, пытаюсь понять, насколько комфортно ей будет говорить о прошлом.

Пока она делает заказ, я осматриваюсь. Зона бара оформлена в минималистичном стиле: светлые тона, живые растения и мягкая музыка создают атмосферу уюта. Здесь действительно спокойно и уединенно – идеально для разговора.

– Итак, Лючия, – произносит она, когда мы обе получаем наши напитки, – о чем ты хотела поговорить? Какие тренировки тебя интересуют?

Я делаю глоток смузи, пытаюсь собраться с мыслями. Самое сложное только начинается.

– Тренировки мне, конечно, не помешают, – произношу я с легкой улыбкой, бросив взгляд на ее подтянутую фигуру. – И, скорее всего, я действительно вернусь к тебе на занятие. Но сегодня я здесь по другой причине. Я журналистка, и мне хотелось бы поговорить о твоей работе в «JTModels».

Эмили слегка приподнимает брови, явно удивленная моим заявлением. Она отставляет стакан с чаем и внимательно смотрит на меня, но не спешит говорить.

– Можешь поделиться опытом?

– Могу, – отвечает она после короткой паузы, но ее тон остается сдержанным, почти холодным. – Только, честно говоря, там особо нечего рассказывать. Я проработала в «JTModels» всего несколько месяцев. Работа была... так себе. Ничего особенного: пара мелких показов, каталоги для интернет-магазинов, ничего глобального.

Она делает глоток своего напитка, словно пытаясь собраться с мыслями или решить, стоит ли продолжать. Я терпеливо жду, стараясь не выдать своего волнения. Это первый человек, который может дать мне хоть какую-то информацию о том, что происходит внутри этого агентства.

– А потом мой агент радостно сообщил мне о «прекрасном контракте» в Европе, – продолжает она, слегка скривившись, будто вспоминает что-то неприятное. – Говорил, что это шанс один на миллион, что я просто обязана ехать. Ну, знаешь, эта стандартная песня про карьерный взлет и мировую славу.

Я киваю. Часто же у них в агентстве выпадает этот шанс.

– И ты поехала?

– Нет. Мой жених тогда был на последнем курсе юридического. Я все ему рассказала, и он посчитал это сомнительным. Чем только подтвердил мои собственные догадки. Как у агентства, которое не может дать нормальную работу в Нью-Йорке, может появиться какой-то шанс на продвижение в Европе? Наверняка какая-то ерунда.

Черт, Брук. Почему ты не думала о том же?

– Я сказала агенту, что никуда не поеду, – продолжает Эмили. – Он, конечно, попытался давить: мол, я упускаю уникальную возможность, все мои коллеги мечтают о таком, и вообще, это конец моей карьеры. Но я стояла на своем. А через пару недель мне просто перестали предлагать хоть какие-то проекты.

Ее тон становится чуть более резким, и я замечаю тень раздражения, промелькнувшую на ее лице.

– А что насчет других моделей из агентства? Ты знаешь, кто-то из них все-таки поехал? Эмили задумывается, отпивая еще глоток.

– Да, несколько человек, – произносит она наконец. – Одна девушка, кажется, даже уехала в Милан. Мы тогда еще общались, но потом связь как-то сама собой оборвалась. Знаешь, как бывает: все заняты, расстояния, разные часовые пояса...

История повторяется.

– А ты пробовала узнать, что с ней случилось? – интересуюсь я.

– Нет, – произносит она. – Общение просто само сошло на нет. Но мы и не были особо близки, так что меня это не расстроило. – Она делает паузу, а затем добавляет с легким намеком на подозрение: – А почему ты спрашиваешь? Думаешь, там что-то нечистое?

Я колеблюсь, решая, стоит ли говорить ей правду. Но Эмили уже насторожилась, и ее вопрос звучит не просто так. Возможно, она тоже замечала что-то странное, но предпочла не копаться глубже.

– Возможно, – отвечаю я осторожно. – Просто... когда люди исчезают из поля зрения, особенно в таких условиях, это вызывает вопросы. Особенно если они уехали за границу.

Она внимательно смотрит на меня, будто пытаюсь понять, насколько серьезны мои опасения.

– Ну... – протягивает Эмили после паузы, – я говорю: мы не были близки. Для меня не было ничего странного в том, что наше общение сошло на нет.

Я киваю, понимая позицию Эмили и наличие схемы агентства.

– Ты помнишь имя той модели, которая уехала в Милан?

– Да. Крис. Кристина Дарен. Но прошло уже несколько лет с ее отъезда...

– Кристина Дарен, – повторяю я, доставая блокнот и быстро записывая имя. – А ты помнишь что-то еще? Может быть, какое-то агентство, с которым она работала? Или бренды, о которых упоминала?

Эмили задумывается, откидываясь на спинку стула. Ее пальцы машинально касаются края стакана, словно она пытается воскресить в памяти давно забытые детали.

– Помню, что она говорила о каких-то показах... Но это было так давно, что я уже не уверена. Возможно, что-то связанное с каталогами для интернет-магазинов. Вроде бы она даже упоминала одну компанию, но название... – Она качает головой. – Нет, извини. Не могу вспомнить.

Я киваю, стараясь скрыть разочарование. Конечно, это лишь частичная информация, но даже такие крохи могут оказаться важными. Возможно, имя Кристины Дарен станет ключом к следующему шагу.

– Спасибо, – произношу я, искренне благодарная за ее откровенность.

Но Эмили, кажется, меня даже не слышит. Она задумчиво смотрит на свой почти пустой стакан, и вдруг ее губы растягиваются в горькой усмешке, словно она вспомнила что-то неприятное или давно забытое, но вслух ничего не говорит. Может, теперь тоже думает, что случилось что-то плохое, раз кто-то об этом расспрашивает?

Мы еще несколько минут обсуждаем возможные направления поиска: местные форумы, соцсети, общие знакомые. Но Эмили больше не добавляет ничего конкретного. Видимо, она уже рассказала все, что знала. Когда наш разговор заканчивается, я благодарю ее за помощь и покидаю фитнес-центр, чувствуя, как в голове начинают формироваться новые планы.

Теперь у меня есть имя: Кристина Дарен. Осталось только найти способ выяснить, что же случилось с этой девушкой после ее отъезда в Милан. И, возможно, именно ее история поможет мне понять, куда исчезла Брук.

Я возвращаюсь в квартиру, с облегчением скидываю босоножки и иду к рабочему столу. По пути домой я пыталась найти хоть какие-то следы Кристины в соцсетях, но все заканчивается безрезультатно: такие же пустые посты из Европы, как у Брук. Словно она просто испарилась из цифрового пространства. Никаких постов, фотографий, упоминаний – ничего. Это все больше тревожит меня.

Я достаю телефон и набираю Дерека. После второго гудка он отвечает своим обычным суховатым тоном:

– Да?

– Привет, Дерек. Я хочу рассказать тебе о том, что узнала сегодня. И попросить помощи.

Слышу его усталый вздох. Знаю – он не воодушевлен, но и понимаю, что это его манера сказать «валяй, слушаю». Открывая ноутбук, начинаю ему пересказывать все, что узнала от Марка и Эмили.

– Это ведь действительно какая-то схема, – подвожу я итог. – Теперь можно идти в полицию.

– Это действительно похоже на схему, – подтверждает Дерек. – Но у этой схемы нет доказательств. Это предположения. Слухи. Сплетни. Домыслы.

Я слышу именно то, что ожидала: без неоспоримых доказательств запустить официальное расследование невозможно.

– Я сегодня пыталась найти способ связаться с этой Кристиной, но безрезультатно. На всех ее страницах в соцсетях нет обновлений уже больше года. Посты очень похожи на те, что публиковала Брук: красивые фото, но крайне мало личной информации. Ты можешь проверить ее через свои каналы?

Спрашиваю, а сама уже начинаю составлять письмо для Дерека, вбивая всю необходимую информацию: имя, примерное время отъезда, последние известные детали. Взгляд снова падает на фотографию Кристины – красивая темноволосая девушка лет двадцати, стройная, загорелая, с открытой располагающей улыбкой. И я даже не хочу подключать логику и фантазию, чтобы попытаться понять, что могло с ними случиться.

– Хорошо, – соглашается Дерек.

Я отправляю ему письмо и вдруг вижу непрочитанное от «Bridging».

– Тогда звони мне в любое время, – прошу я. – Даже ночью.

– На связи, – хмыкает Дерек и завершает вызов.

Я откладываю телефон и с легким волнением открываю письмо.

Уважаемая Лючия Коуэлл,

Мы рады сообщить вам, что ваша кандидатура успешно прошла все этапы отбора, и вы были одобрены для участия в программе «Bridging» преподавания английского языка в Европе. Мы высоко ценим ваш опыт работы журналистом и ваши навыки коммуникации, которые будут бесценны для наших студентов.

Для дальнейшего оформления вашего участия в программе, пожалуйста, выполните следующие шаги:

Подтверждение участия: Ответьте на это письмо до указанной даты (25 июля), чтобы подтвердить ваше согласие на участие. При этом, если вы еще не определились с выбором страны для преподавания, укажите ваши предпочтения или запросите консультацию для уточнения деталей. Без подтверждения до указанного срока ваше место может быть передано другому кандидату. В случае необходимости обсудить детали программы или страны назначения, свяжитесь с нами для получения дополнительной информации.

Прохождение онлайн-ориентации: После подтверждения участия вы получите ссылку на онлайн-курс ориентации, который поможет вам лучше понять требования программы, особенности работы в школах и основные правила поведения в принимающей стране.

Покупка билетов и бронирование проживания: Наша организация берет на себя организацию вашего перелета и первичного проживания.

Страхование: Мы настоятельно рекомендуем оформить медицинскую страховку, покрывающую все возможные риски во время вашего пребывания за границей. Список рекомендованных страховых компаний прилагается.

Контакт с координатором программы: После завершения всех формальностей вам будет назначен местный координатор, который поможет вам адаптироваться на месте и ответит на любые вопросы.

Финальная подготовка: За две недели до отъезда вы получите подробное расписание первого месяца работы, а также контактные данные вашей школы и коллег.

Я не могу сдержать улыбку, открывая вложение с перечнем документов. Прошла! Волнение и радость на мгновение затмевают все остальное. Но тут же в голову врывается мысль о

Брук и начатом расследовании. Неужели я просто брошу все это здесь и улечу в Европу? Это казалось таким логичным шагом еще несколько дней назад, но теперь...

Мой взгляд падает на экран ноутбука, где до сих пор открыты старые сообщения Брук. Там, между строк, прячутся вопросы, на которые у меня пока нет ответов. Я не могу просто взять и уехать, оставив ее судьбу на произвол случая. А что, если она действительно попала в беду? Что, если мои поиски – это единственное, что отделяет ее от полного исчезновения? Кажется, в Нью-Йорке у нее больше нет близких. И стоит об этом подумать, как сердце сжимается от тоски. Действительно. В погоне за мечтой у Брук не было времени на отношения любого плана.

Но, с другой стороны, разве этот контракт преподавателя английского не может стать шансом? Если программа отправляет меня в Восточную Европу, возможно, я смогу использовать это как прикрытия. И даже если Греция находится в Южной Европе, это не значит, что я не смогу найти способ добраться туда или хотя бы собрать больше информации. Возможно, через работу в Европе я смогу приблизиться к истине.

Задумчиво кручу ручку, обдумывая варианты. Конечно, это рискованно: совмещать журналистское расследование и новую работу. Но разве у меня есть выбор? Брук нуждается в помощи, а у меня есть навыки, чтобы действовать аккуратно и целенаправленно. К тому же, я могу попробовать найти страну рядом с Грецией. Может быть, маршрут окажется удобным для того, чтобы заглянуть в Коницу. В любом случае, добираться туда из другой европейской страны будет быстрее и практичнее, чем из Нью-Йорка.

Закрываю письмо и достаю блокнот. Нужно составить план.

Первое – подтвердить участие в программе.

Второе – узнать точное место назначения.

Третье – связаться с Дерексом и узнать, смог ли он продвинуться в поисках Кристины Дарен.

Четвертое – подготовиться к возможным сложностям.

Убираю блокнот и снова открываю вложение. Да, это шанс. И я не собираюсь его упустить. Только теперь это не просто работа или новое приключение. Это возможность спасти подругу, которой глупо сейчас не воспользоваться.

Но, поразмыслив, я решаю отложить окончательное подтверждение участия наутро. Все-таки нужно как следует обдумать каждый шаг на свежую голову. К тому же, последние события не оставляют мне права на импульсивные решения.

И, кажется, это решение оказывается правильным. Я засыпаю практически мгновенно, едва касаясь подушки, и проваливаюсь в глубокий сон, из которого меня вырывает резкий звук. Не будильник – что-то другое. Мелодия настойчиво режет тишину комнаты.

Повернувшись к тумбочке, я хватаю телефон и сразу же вижу имя звонящего. Дерек. Часы на экране показывают начало шестого утра.

Ладно. Сама сказала «звони в любое время».

– Алло? – произношу я, стараясь, чтобы голос звучал бодро, но все равно зеваю.

– Лючия, – раздается характерный сухой тон Дерекса. – Я узнал кое-что интересное. Мой человек смог отследить второе письмо от Брук. Оно пришло из Албании. Тирана.

Я мгновенно просыпаюсь, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. Албания? Но как это возможно?

– Подожди... – протягиваю я, пытаюсь осмыслить услышанное. – А что насчет первого письма? Мы же думали, что оно было отправлено из Греции. Коница, кафе там... Как так вышло?

– Да, первоначально мы предположили именно это, – спокойно объясняет Дерек. – IP-адрес вайфая действительно указывал на маленькое кафе в Конице. Но мой человек решил проверить все более тщательно, потому что заметил одну странность: метаданные письма не

совпадали с логикой работы точки доступа. Если бы Брук действительно писала из этого кафе, то технические параметры сигнала должны были быть другими. Это вызвало подозрение.

– То есть... – начинаю я, но Дерек меня опережает, видимо, решив объяснить сам, а не слушать мою версию понимания.

– То есть кто-то мог использовать прокси или другой способ маскировки, чтобы создать видимость, будто письмо отправлено из Греции. Мы углубились в проверку и обнаружили, что сигнал был переадресован через несколько серверов. И в конечном итоге он берет начало в Тиране.

Я молча перевариваю информацию, чувствуя, как внутри растет тревога.

– Думаешь, это сделано специально? – спрашиваю я. – Чтобы запутать следы?

– Именно, – подтверждает Дерек. – Кто-то явно хотел направить нас по ложному пути.

– А это точно? Не может повториться ситуация с Грецией?

– Нет, – уверенно отвечает Дерек. – На этот раз информация проверена гораздо глубже. Мой человек не просто отследил IP-адрес, который мог быть замаскирован через прокси или сторонний сервер. Он провел детальный анализ метаданных письма.

Я слышу, как он делает короткую паузу, видимо, подбирая слова, чтобы объяснить технические детали так, чтобы я поняла.

– Вот что важно: каждое электронное письмо содержит больше информации, чем просто текст и адрес отправителя. В метаданных остаются следы маршрута, по которому сигнал проходил до того, как достиг конечной точки. Это называется «цепочка пересылки». Если кто-то пытается скрыть свое местоположение, они обычно используют несколько серверов для переадресации сигнала. Однако всегда есть начальная точка – место, где был создан первичный запрос.

– И у вас есть доступ к этой начальной точке? – уточняю я, чувствуя, как напряжение медленно начинает уступать место любопытству.

– Именно, – подтверждает Дерек. – Мы смогли выделить исходный IP-адрес, который не был полностью замаскирован. Этот адрес принадлежит интернет-провайдеру из Тираны. Конечно, нельзя исключать, что кто-то мог использовать там локальный сервер для маскировки, но вероятность такого сценария крайне мала. Особенно если учесть, что второй раз они бы не стали рисковать столь очевидной ошибкой с метаданными. В первый раз нас запутали с Грецией, но тогда мы полагались только на внешние данные – IP кафе. Теперь же мы углубились в техническую сторону. Анализировалось все: время отправки письма, задержки сигнала, протоколы безопасности, даже шифрование данных. И все указывает именно на Тирану.

– Значит, можно быть уверенной, что она сейчас в Албании? – спрашиваю я, все еще сомневаясь.

– Не совсем, – поправляет Дерек. – Можно быть уверенной, что последнее письмо было отправлено через сервер в Тиране. Это не обязательно значит, что Брук физически находится именно там. Но учитывая, что система безопасности агентства, возможно, специально создавала ложные следы, вероятность того, что Брук действительно в Албании, очень высока.

– Понятно... – произношу я медленно, продолжая укладывать все в голове.

Только непонятно зачем модельному агентству такие сложности с сокрытием писем.

– А что такого может быть в Албании? – спрашиваю я. – Зачем свозить туда девушек, пытающихся стать моделями?

Я догадываюсь, каким будет ответ, но все равно хочу услышать Дерек. Он тяжело вздыхает, и я уже каждой клеточкой чувствую, что мне не понравится ответ.

– Албания – страна с низким уровнем контроля и высокой коррупцией. Она удобна для нелегальных действий разного масштаба, – отвечает Дерек. – Мое мнение: в лучшем случае, Брук просто находится в дерьмовом контракте с дерьмовой работой модели и в долгах, которые не может покрыть.

Даже думать не хочу о худшем развитии событий, поэтому, поблагодарив Дерека, завершаю разговор. Все услышанное требует времени, чтобы переварить.

Пока кофемашина шумно варит кофе, я устраиваюсь на кухне с ноутбуком и снова открываю программу. Греция отпадает – теперь мне нужно что-то ближе к юго-восточной Европе. И тут мой взгляд цепляется за возможность поездки прямиком в Албанию. Это выглядит настолько нереальным, что на миг мне кажется – я сплю. Но нет, Албания тоже участвует в программе. Я перехожу на сайт и кликаю, чтобы узнать подробнее.

Албания – это страна, которая активно развивает международные образовательные и культурные инициативы. В последние годы она стала популярной локацией для преподавателей английского языка, особенно в городах, где спрос на знание языка растет благодаря развитию туризма и бизнеса. Программа предлагает возможность работать как в столице Тиране, так и в других городах, таких как Дуррес или Влера.

Я задумчиво перечитываю текст, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. Это может быть шанс. Беру кофе и решаю поискать отзывы об Албании. Нахожу несколько комментариев от прошлых участников. Большинство из них положительные:

Аманда, 28 лет, участница программы:

Албания – это потрясающе! Организация на высшем уровне: координаторы всегда на связи, помогают с любыми вопросами. Местные жители очень дружелюбны и открыты. Я чувствовала себя как дома!

Джейсон, 34 года, преподаватель английского:

Программа действительно хорошая, особенно если вы хотите познакомиться с новой культурой и получить ценный опыт. Но будьте готовы к некоторым бюрократическим сложностям. Иногда приходится подождать решения по мелким вопросам.

Сара, 31 год, участница программы:

На бумаге все выглядит идеально, но на практике не обошлось без проблем. Были свои косяки. Кто-то опаздывал с ответами, а по мелочам приходилось самим разбираться. Но в целом все понравилось, опыт классный.

Кайл, 29 лет, участник программы:

Я был приятно удивлен уровнем поддержки, который оказывают координаторы. Все прошло гладко: от проживания до рабочих материалов. Албанцы очень гостеприимны.

Звучит не так плохо.

Возвращаюсь к письму и вложениям. Среди них есть форма, где требуется указать предпочтения по городу назначения. Я выбираю Тирану, понимая, что это ключевой пункт в моем плане. Если последнее письмо от Брук действительно было отправлено из этой столицы, то именно там мне нужно начать поиски.

Закончив с формальностями, я отправляю письмо с подтверждением своего участия. Почти сразу приходит автоматический ответ: «Спасибо за ваше решение присоединиться к программе! В течение 48 часов с вами свяжется ваш координатор для дальнейших инструкций».

Закрываю крышку ноутбука и делаю глоток уже остывшего кофе, переваривая все произошедшее.

Наверное, не зря все происходит именно так.

5.

Нью-Йорк. Манхеттен. Ноябрь 2017

Я сидела в уютном кафе, почти прячась за чашкой остывающего кофе. Передо мной лежал свежий выпуск журнала – тот самый, куда я так отчаянно стремилась попасть. Три бесконечно долгих месяца бессонных ночей, сотни непринятых статей и лишь пара коротких заметок на последних страницах. Моя мечта превратилась в серую рутину, а идея работать в «New York Magazine» казалась теперь такой же далекой, как звезды за окном.

Напротив меня сидела Брук. Ее светлые волосы мягко падали на плечи, а в глазах читалась та самая теплота, которая всегда помогала мне держаться. Она больше не была той робкой девушкой из Индианаполиса, приехавшей покорять Нью-Йорк. Хотя ее собственная карьера модели тоже не сложилась – никаких обложек Vogue или контрактов с модными домами. Сейчас она работала в небольшом модельном агентстве и берет скучные, но необходимые подработки, чтобы оплачивать счета.

– Помнишь, как ты описывала свое будущее в «New York Magazine»? – ее голос был мягким, успокаивающим, но при этом уверенным. Она словно пыталась вбить мне в голову свою мысль. – Так вот, это только начало. Первые шаги всегда самые сложные.

По моим щекам внезапно потекли слезы – непрошенные, горячие. Я пыталась улыбнуться сквозь них, но губы дрожали. Все это время я чувствовала себя полной неудачницей, а мир вокруг казался холодным и безразличным. Но сейчас, глядя в эти светло-голубые глаза напротив, понимала – я не одна. Именно этого мне так не хватало: простого человеческого тепла, которое согревает лучше любого плеча.

– Спасибо тебе, – мой голос дрогнул, и я поспешно отпила кофе, чтобы скрыть волнение. – Но... не знаю. У меня будто бы нет сил.

Брук перегнулась через стол и крепко сжала мою руку своими прохладными пальцами. Ее прикосновение было таким знакомым, таким родным. И я задумалась: ее дела ведь обстоят еще хуже, чем мои. Столько работы. Столько жертв. За несколько лет нашей дружбы я видела так много ее падений, что даже считать их не имело смысла. Но она все равно держится. Помогает другим. И это восхищает.

– Мы ведь обе знаем, что значит гнаться за мечтой, – произнесла Брук, и в ее голосе появились новые нотки – стальные, уверенные. – Твои статьи прекрасны, Лючия. Просто нужно дать миру время их оценить. Главное – не переставать верить.

В этот момент что-то внутри меня дрогнуло. Словно маленькая искорка надежды, едва тлеющая угольком, вдруг разгорелась ярким пламенем. Это и есть настоящая дружба – когда человек, сам находящийся в своих проблемах, находит в себе силы поддерживать тебя. Когда он протягивает руку помощи, даже если его собственные крылья давно подпорчены жизнью.

И в этом есть особенная магия – магия настоящей, искренней привязанности, которая делает нас сильнее, чем мы есть на самом деле.

Не знаю, кого я должна благодарить за ту случайную встречу на примерке в ателье мамы: судьбу, Вселенную, Бога. Но факт остается фактом: в итоге я приобрела потрясающего друга, который слушал, который не пытался воспользоваться связями мамы, и всегда поддерживал. И очень надеюсь, что хотя бы немного являюсь для нее таким же.

– А теперь вытирай слезы, дорогая, – воодушевленно проговорила Брук, поднимаясь со стула. – И пойдем развеемся. Уверена, совсем скоро ты будешь писать громкие материалы. И, возможно, я даже дам тебе интервью, – подмигнула она.

И на это я улыбнулась уже искренне.

Нью-Йорк. Бруклин. Несколько недель спустя. Август 2019

Я наивно полагала, что самым сложным будет убедить координаторов программы отправить меня в юго-восточную Европу. Но с этим проблем не возникло. Мой хороший итальянский послужил плюсом, а Албания – не самое популярное направление, и координаторы были рады, что я добровольно хочу поехать в Тирану.

Но остальные отнеслись к моему решению совсем не так понимающе. Родители спокойно восприняли идею поездки в Болгарию, Польшу или Чехию – страны, которые я изначально рассматривала. Но Албания вызвала у них явное недовольство. С редактором тоже пришлось повозиться: она встретила мою идею с заметным скепсисом. Однако мне удалось ее убедить, что даже в Албании можно найти интересный материал для статей. К тому же, я заверила ее, что буду продолжать работать удаленно.

Самым сложным оказался разговор с Дерекком. Он явно не поверил, что мой выбор Албании – это простое совпадение после нашего последнего разговора. Именно поэтому сейчас, в этот душный августовский день, я сижу в его офисе в Дамбо и терпеливо выслушиваю наставления, понимая, что это надо пережить, чтобы разобраться в ситуации с Брук.

– ... рад, что тебе хватило здравомыслия не сорваться туда одной, без страховки, – причитает он, расхаживая по своему кабинету с присущей ему уверенностью.

Вся эта сцена чем-то напоминает мне старый нуарный фильм. Не хватает только фетровой шляпы на голове Дерекка. Даже его офис кажется вышедшим из страниц романов Хэмметта или Кейна: строгий, немного мрачноватый, с длинными тенями на стенах и жалюзи на окнах.

– В свою защиту могу сказать, что это действительно просто совпадение, – произношу я, поднимая руки в шутливом жесте капитуляции, хотя внутри чувствую легкое напряжение.

– А я, в свою очередь, почти готов рассказать все твоему отцу, – раздраженно бросает Дерек, скрестив руки на груди. Его взгляд становится еще более пронизательным, чем обычно.

– Расскажи, – спокойно отвечаю. – Я уже взрослая. И не живу за его счет. Он не может запретить мне уехать.

Дерек тяжело вздыхает и проводит рукой по лицу, словно пытаюсь сдержать эмоции.

– Зачем ты ставишь меня в такое положение? – устало произносит он, опускаясь в свое кресло. На мгновение он поворачивается ко мне спиной, и я невольно ощущаю укол совести.

Дерек и мой отец – не просто коллеги. Они давно поддерживают дружеские отношения, и, возможно, для него ситуация кажется двойной ответственностью: перед моим отцом и передо мной. Наверняка он чувствует себя виноватым, скрывая от отца то, что, по его мнению, может быть для меня опасно.

Делаю шаг вперед, но слова застревают где-то в горле. Мне хочется объяснить ему, что это важно для меня. Что я не могу просто сидеть сложа руки, когда подруга, возможно, нуждается в помощи.

– Дерек, – начинаю мягче, подходя чуть ближе, – я понимаю, что тебе непросто. Но, поверь, я знаю, что делаю. Это важно. Очень важно.

Он медленно поворачивается обратно, его глаза внимательно изучают мое лицо. Кажется, он пытается понять, насколько серьезны мои намерения.

– Ну раз «очень важно», – язвительно передразнивает он и серьезнее продолжает: – Ты хоть осознаешь, во что ввязываешься?

И в его голосе теперь больше тревоги, чем раздражения.

– Ты уже как-то спрашивал. И да. Ответ все тот же, – уверенно киваю я, встречая его взгляд. – Осознаю. Я просто сделаю там то же, что делала сейчас в Нью-Йорке. Параллельно поучу детей английскому. Может, найду какие-нибудь доказательства. Или даже увижу Брук. И я буду на связи. Без тебя я не справлюсь.

Дерек снова вздыхает, качая головой, словно уже заранее сожалеет о том, что решил мне помочь.

– Кто там твои кураторы? – обреченно спрашивает он.

Не может запретить – значит, решил контролировать... Ну, может, и неплохо, учитывая, что я еду в страну, из которой, как стало известно, девушки не возвращаются. Достав телефон, я читаю ему вслух:

– Резар Ариффи. Он учитель английского, албанского и литературы, преподает в школе с углубленным изучением иностранных языков. А жить я буду в принимающей семье – у Ольги и Валмира Гегич. Она тоже преподает в этой школе, но историю. А ее муж – редактор газеты.

Дерек задумчиво барабанит пальцами по столу, его лицо ничего не выражает. Я знаю этот взгляд – он взвешивает все «за» и «против», как будто решает, стоит ли доверять моим словам.

– Лючия, мне все равно это не нравится. Тирана – это не Нью-Йорк. Там свои порядки, свои законы. И если что-то пойдет не так, я не смогу сразу прийти и разобраться. Там все сложнее. И это займет время. И адвокатов отца быстро ждать не получится.

Киваю, но внутри все сжимается от волнения, которое все равно есть. Дерек прав. Я это понимаю. Но другого выхода у меня нет.

– Знаю, – говорю тихо. – Но я не собираюсь рисковать. У меня страховка, документы, постоянная связь. И ты. Ты же будешь страховать, да?

Дерек отводит взгляд, и мне кажется, что он уже согласился, просто не может признаться в этом вслух.

– Конечно буду, – вздыхает он. – Только не заставляй меня нервничать больше, чем это необходимо. И не пропадай без вести. Поняла? Не будешь выходить на связь, клянусь, Лючия, сразу же все расскажу твоему отцу.

– Поняла, – киваю я. – И, Дерек... спасибо. Правда.

Он машет рукой, как будто это ничего не значит, но я вижу, как уголки его губ чуть приподнимаются.

– Лучше бы ты поехала в Прагу, – бурчит он, но уже без прежнего раздражения. – Там хотя бы пиво нормальное.

Я усмехаюсь и обнимаю Дерек.

– Еще какие-нибудь советы, наставления, рекомендации опытного детектива? – серьезнее спрашиваю я.

– Ну, раз уж ты так настаиваешь, – говорит он, немного смягчаясь, – вот тебе несколько практических рекомендаций.

Он берет мой блокнот с края стола и протягивает мне его вместе с ручкой.

– Во-первых, документы. Скан или фото всего – мне. Особенно договор с программой и контакты местных координаторов, если сможешь заглянуть в их личные дела.

Я киваю, начиная записывать.

– Во-вторых, связь. Купи местную сим-карту сразу по прибытии. И настрой двухфакторную аутентификацию на все аккаунты.

Я подавляю порыв закатить глаза от таких базовых истин и продолжаю писать.

– В-третьих, безопасность. Изучи все маршруты заранее. Не соглашайся на помощь незнакомцев. Всегда сообщай, куда идешь и когда вернешься. И я хочу знать адреса всех мест, где ты бываешь – школа, магазины, кафе. И у меня должен быть доступ к твоей локации. Всегда.

Записываю, чувствуя, как его профессиональный подход успокаивает больше, чем любые увещевания.

– В-четвертых, финансы. Открой дополнительный счет в банке на случай чрезвычайных ситуаций. И всегда имей запас наличных в разных местах.

Черт! Точно! Наличные. Технология NFC слишком прочно вошла в мою жизнь.

– И последнее, – он смотрит на меня серьезно, – если почувствуешь, что ситуация выходит из-под контроля, не думай долго. Сразу звони мне. Я поспрашиваю знакомых, может, у кого-то есть проверенные люди в Албании. Попробую организовать тебе какую-нибудь поддержку.

– Поняла, – киваю я. – Спасибо, Дерек. Это действительно помогает.

– Вот и славно, – кивает он. – А теперь иди собирайся. И помни – профессионализм начинается с подготовки. И не геройствуй. И учи албанский. Лишним тоже не будет.

Где-то над Атлантическим океаном. Несколько недель спустя.

Конец августа 2019

Первая неприятная новость – прямых рейсов до Тираны нет, и мне приходится лететь с пересадкой в Париже. Половина суток в самолете – это, конечно, не самое приятное приключение, но выбирать не приходится. Мне кажется, что я и так потратила слишком много времени впустую, и сейчас это уже кажется мелочью.

По совету Дерекы, я продолжаю время от времени писать Брук о разной ерунде, интересуюсь ее делами. Она мне отвечает. И ответы по-прежнему приходят из Тираны.

Мне каждой клеточкой хочется быстрее оказаться на месте, заселиться, познакомиться с принимающей семьей и, пока не началась учеба в школе, приступить к расследованию.

Вскоре за иллюминатором самолета появляются холмы. Они выглядят мягкими и зелеными, будто покрыты бархатным ковром. Между ними виднеются редкие дома – простые строения из камня или кирпича, которые словно сливаются с ландшафтом. Когда самолет снижается, становится заметно, как живописны окрестности Тираны. Но мне сейчас не до этого.

Прохожу паспортный контроль – офицер со скучающим лицом ставит штамп, почти не глядя на меня. Таможня – быстро, без лишних вопросов. Багажные ленты работают с переборами, но мои чемоданы находятся быстро. Голова начинает болеть, хочется спать, но я стараюсь держаться.

Выхожу в зал прибытия. Глаза сразу начинают искать табличку с моей фамилией. Люди расходятся, встречающие толпятся у выходов. И вот я замечаю его – высокого мужчину с табличкой «Люция Коуэлл». Темные волосы, небольшая борода, футболка и джинсы. Выглядит старше меня, хотя, возможно, дело лишь в бороде.

И пока я разглядываю его, он направляется ко мне.

– Здравствуйте, вы Люция Коуэлл? – произносит мужчина с табличкой, остановившись рядом. Его голос звучит уверенно и спокойно, немного хрипловато.

– Да, это я.

Он слегка улыбается, и его улыбка кажется искренней, но в то же время немного отстраненной. Он протягивает руку, чтобы взять один из моих чемоданов, и я с благодарностью отдаю ему один.

– А этот я доведу, – говорю я, удобнее взяв второй чемодан.

Он странно смотрит на меня, усмехается и продолжает:

– Меня зовут Резар. Я ваш куратор на время пребывания здесь, – говорит он. – Добро пожаловать в Тирану. Сейчас отвезу к принимающей семье.

– Спасибо. Люция. Приятно познакомиться, – представляюсь я, удобнее вешая сумку на плечо. И только хочу продолжить разговор без официоза, как замечаю: Резар уже кивает в сторону выхода, словно хочет быстрее уйти.

Я, конечно, не рассчитывала на объятия, но ожидала более теплый прием.

Мы выходим из аэропорта, и меня сразу охватывает волна жары. Воздух здесь густой, тяжелый, совсем не такой, как в Нью-Йорке. Кажется, будто каждое дыхание обволакивает легкие какой-то плотной пеленой, от которой слегка кружится голова. Я машинально поправляю очки, чувствуя, как легкая усталость наваливается на плечи – последствия долгого перелета и смены часовых поясов. Мысли немного замедлены, словно мозг еще не до конца проснулся от того полусонного состояния, в котором я провела последние часы в самолете.

Достаю телефон, чтобы оповестить всех, что я приземлилась и меня встретили. Пальцы чуть медлительнее обычного скользят по экрану, а слова набираются с секундной задержкой. Часы на экране показывают местное время, и я пытаюсь мысленно пересчитать, сколько сейчас

в Нью-Йорке. Разница в шесть часов кажется небольшой, но для моего организма она все еще ощутима. Дома сейчас раннее утро.

Резар тем временем уже открывает багажник черного внедорожника и с легкостью поднимает мои чемоданы, укладывает их. Машина выглядит вполне обычной, но ее номерные знаки я тоже отправляю Дереку, пользуясь тем, что все еще подключена к вай-фаю.

– Садись, – говорит Резар, открывая передо мной переднюю дверь. Его голос по-прежнему ровный, без лишних эмоций. – Путь займет примерно полчаса, если без пробок.

Гостеприимство, конечно, есть, но достаточно своеобразное...

Но я благодарю Резара и устраиваюсь на сиденье. Внутри прохладно благодаря кондиционеру, и я с облегчением вздыхаю, откидываясь на спинку. Пока мы едем, я наблюдаю за пейзажами за окном. Тирана постепенно раскрывается передо мной: современные здания соседствуют с полуразрушенными домами, широкие проспекты переходят в узкие улочки. Город кажется одновременно шумным и каким-то удивительно спокойным. Люди спешат по своим делам, кто-то торгует фруктами прямо на улицах, другие просто стоят группами, о чем-то беседуя.

– Ты давно работаешь с программой? – спрашиваю я, решив прервать затянувшееся молчание.

Резар продолжает сосредоточенно смотреть на дорогу, и на мгновение мне кажется, что он либо не расслышал мой вопрос, либо предпочел его проигнорировать. Однако спустя несколько секунд он все же отвечает:

– Нет, не очень давно. Пару лет. Ты второй человек, которого я встречаю в рамках этой программы. До тебя был один француз.

– И как у него все прошло? – продолжаю я с неподдельным интересом.

– Нормально, – коротко отвечает Резар, не отрывая взгляда от дороги. – Вернулся во Францию через четыре месяца, как и должен.

Его ответ звучит сухо и безэмоционально, словно он не хочет вдаваться в подробности или обсуждать предыдущего участника программы. Я решаю пока не настаивать и откидываюсь на сиденье. Куратор у меня довольно угрюмый, а сил у меня не так много.

Молчание снова нависает в салоне машины, нарушаемое лишь шумом двигателя и редкими гудками других автомобилей. Я пытаюсь найти тему для разговора, чтобы хоть как-то разрядить атмосферу, но Резар, кажется, полностью сосредоточен на дороге. Его движения уверенные, взгляд не отрывается от вида впереди, а руки крепко держат руль. Никаких признаков желания поддерживать беседу.

– Тирана – красивый город, – произношу я, пытаюсь начать разговор снова. На этот раз простой.

– Да, – равнодушно отвечает Резар, бросив короткий взгляд в зеркало заднего вида.

Очевидно, что попытки завязать диалог ни к чему не приведут. Возможно, это просто его характер – быть немногословным и замкнутым. Или, возможно, он не в восторге, что приходится участвовать в этой программе...

Мы проезжаем мимо старого рынка, где прямо на улицах выставлены прилавки с фруктами, овощами и местными сладостями. Люди толпятся вокруг, торговцы громко рекламируют свой товар.

– Мне так нравятся подобные места! В Неаполе просто влюбилась в местный рынок!

Сцена кажется одновременно живой и немного хаотичной. Резар, видимо, замечает мой интерес и в этот раз решает не игнорировать.

– Это один из рынков города, – говорит он, не поворачивая головы. – Здесь обычно свежие продукты. Ольга, женщина, у которой будешь жить, наверняка сводит тебя сюда, она любит это место. Но одна лучше не ходи. Если что-то понадобится, то лучше иди в магазин.

– Там опасно? – уточняю я. – Карманники, мошенники?

– Вроде того, – сухо отвечает Резар.

«Как и во многих больших городах», – про себя хмыкаю я, но, возможно, это своеобразная забота. Пусть и звучит довольно сухо. Интересно, меня раздражает эта манера или эта острая реакция из-за усталости после перелета?

Замечаю, что телефон, лежащий в подстаканнике, периодически вспыхивает уведомлениями, и Резар наконец берет его, кажется, выругнувшись на албанском, внимательно смотрит на дорогу, словно проверяя ее, и начинает что-то набирать.

Растерянно смотрю на него.

– Что-то случилось? – спрашиваю, не в силах скрыть любопытство. Наверное, что-то очень срочное, раз он набирает сообщения за рулем. Или, может, в Албании к этому относятся иначе?

Черт. Приехала в страну, но толком о ней так ничего и не знаю. А ведь изучала. Но все равно натываюсь на что-то, что вызывает вопросы в первый же час в Тиране.

Резар мельком глядит на меня, его лицо остается непроницаемым.

– Нет, все в порядке, – отвечает он коротко, убирая телефон обратно в подстаканник. Но что-то в его тоне заставляет меня усомниться. Он явно чем-то обеспокоен. Понимаю, что нет смысла спрашивать дальше. Может быть, это просто рабочие вопросы или что-то личное.

Мы снова погружаемся в тягучее молчание. Я продолжаю наблюдать за городом за окном, но теперь мой взгляд становится более внимательным.

Через несколько минут Резар сворачивает в спальный район. Здесь уже чувствуется другой ритм жизни – медленнее, спокойнее.

– Мы почти на месте, – произносит он.

Я киваю, чувствуя, как волнение нарастает. Сейчас я встречу с принимающей семьей, которая станет моей временной опорой в этой стране. Кто они? Какими они окажутся? Будут ли они доброжелательными? Хотя бы не такими угрюмыми, как Резар?

Когда мы подъезжаем к дому и останавливаемся, Резар первым выходит из машины и открывает багажник. Я тоже выбираюсь наружу, чтобы осмотреться. Дом выглядит уютно и гостеприимно: белые стены, аккуратный дворик, украшенный несколькими деревьями и цветущими кустами. На балконе второго этажа легкий ветер колышет занавески, а на входной двери красуется венок из сухих цветов, добавляя обстановке особого шарма.

Резар достает мои чемоданы и ставит их на землю. Я инстинктивно протягиваю руку, чтобы взять один из них, но он бросает на меня недоуменный взгляд, словно моя попытка кажется ему непонятной и странной. Не говоря ни слова, он легко подхватывает оба чемодана и направляется к калитке, оставляя меня слегка растерянной.

Дверь дома открывается еще до того, как мы подходим к крыльцу. На пороге появляется женщина лет сорока – симпатичная, энергичная, с широкой улыбкой на лице. Ее темные волосы собраны в аккуратный пучок, а глаза светятся искренним радушием. Она выглядит моложе своих лет, хотя морщинки в уголках глаз выдают возраст.

– Добро пожаловать! Добро пожаловать! – восклицает она, разводя руки в стороны, словно готовясь заключить нас в объятия. – Ты, должно быть, Лючия?

– Да, это я, – отвечаю я, чувствуя, как волнение начинает отступать под ее приветливым взглядом.

– Я Ольга, – говорит она, подходя ближе и крепко пожимая мне руку. Ее рукопожатие теплое, искреннее и полное доброжелательности. – Мы так рады, что ты приехала! Валмир, мой муж, сегодня задержится на работе, но он обязательно познакомится с тобой за ужином.

Резар тем временем ставит чемоданы у входа и, не говоря ни слова, слегка кивает Ольге.

– Спасибо, Резар. Отнесешь вещи в гостевую спальню, пожалуйста? – произносит Ольга, даже не обернувшись к нему, будто его молчаливая помощь – это нечто само собой разумею-

щееся. Вместо ответа он снова подхватывает чемоданы и уверенно направляется к лестнице. Похоже, для Ольги такая манера общения с Резаром – обычное дело.

– Не обращай внимания на Резара, – говорит Ольга, заметив мое замешательство. – Он всегда такой. Мужчина дела, знаешь ли. Но зато надежный. Больше делает, чем говорит.

– Разговоры тоже лишними не будут временами, – замечаю я, стараясь говорить легко, хотя внутри все еще чувствую неловкость от его поведения.

– Возможно, это работает с вашими мужчинами в Америке, но тут немного иначе. Еще поймешь, – со смехом произносит Ольга, ее глаза светятся теплотой и пониманием. Она явно пытается сгладить мое первое впечатление от Резара, и ее попытка вызывает у меня улыбку.

– Проходи, – продолжает она, распахивая дверь шире. – Как долетела? Устала? Голодная? У нас есть чай, кофе, свежие фрукты...

– Чай звучит отлично, – отвечаю я, переступая порог и стараясь игнорировать усиливающую головную боль.

Дом внутри выглядит еще более уютным, чем снаружи. Светлые стены украшены фотографиями семьи, мягкими коврами и декоративными подушками. В воздухе витает легкий аромат выпечки и цветов.

– Сейчас все приготовлю, – говорит Ольга, направляясь на кухню. – А ты пока можешь осмотреться или отдохнуть. Как тебе удобнее.

Я благодарю ее и медленно иду вслед за ней, оглядываясь по сторонам. Кухня просторная, с деревянной мебелью и большим окном, выходящим во двор. На столе уже стоит ваза с фруктами, а рядом виднеется банка домашнего печенья.

– Здесь так красиво, – замечаю я, принимая чашку горячего чая из ее рук.

– Спасибо, – улыбается Ольга. – Мы стараемся сделать дом уютным. Особенно для гостей. Можешь помыть руки там, – она указывает на дверь в коридоре, – вторая дверь направо.

Благодарю ее и выхожу из кухни. Но, едва сделав пару шагов, почти сталкиваюсь с Резаром. Он стоит так близко, что я невольно отмечаю, что он в хорошей форме: широкие плечи, жилистые, подтянутые руки – очевидно, он регулярно занимается спортом.

– Извини, – произношу я, отступая на шаг, чтобы дать ему пройти. Он лишь кивает.

– Резар, останься на чай, – радушно предлагает Ольга, заметив его за порогом.

– Не могу, извини, – отзывается он, качая головой.

– Да брось ты, – настаивает она с легкой усмешкой.

Я уже не вслушиваюсь в их диалог, сосредоточившись на том, чтобы найти указанную дверь. Однако через мгновение до меня доносится, как Резар произносит несколько фраз на албанском. Его тон спокойный, но уверенный, хотя язык звучит странно – певучие интонации перемежаются с резкими, почти хрипловатыми звуками. Ольга вздыхает, явно соглашаясь с чем-то, и быстро прощается с ним.

К счастью, базовые слова на албанском, такие как приветствия и прощания, остались у меня в памяти после подготовки к поездке. Ловлю себя на мысли, что его слова звучат более серьезно, чем простое «до свидания».

Когда я возвращаюсь на кухню, то его уже нет. Зато на столе стоит чашка чая и ароматный пирог. Но сначала я решаю заняться кое-чем более важным, чем голод.

– У вас есть вай-фай? – спрашиваю я, поскольку после аэропорта ничего не писала. – Хочу сообщить семье, что все в порядке.

– Конечно, – тут же отзывается Ольга и протягивает руку. – Позволь.

Я отдаю ей телефон и делаю глоток чая, укладывая в голове мысль, что я теперь в Тиране. И самое время начать собирать информацию, которая поможет выяснить, что же случилось с Брук.

6.

Проснувшись на застеленной кровати, я медленно разлепляю глаза и пытаюсь восстановить в памяти последние события. Чай с Ольгой. Душ. Мое намерение немного полежать всего пять минут, прежде чем приступить к распаковке вещей. И вот – пустота. Бросаю взгляд на часы: почти половина одиннадцатого вечера. Черт, я заснула и все проспала!

Однако, судя по мягкому цветастому пледу, аккуратно укрывшему меня, Ольга заглядывала в комнату. Его точно не было, когда я легла. Тепло этого маленького жеста вызывает легкую улыбку, хотя мысль о том, что я так бездарно провела вечер, слегка угнетает.

Встаю, потягиваюсь и бросаю взгляд на красивый туалетный столик. Большое зеркало в центре, а по бокам – еще два, словно дверцы, отражают меня с разных ракурсов. Я замечаю, что хлопковые рубашка и шорты, которые я специально купила для дома принимающей семьи, порядком помялись за ночь. Как и мое лицо. И засыпать с мокрыми волосами было ошибкой. Теперь они торчат в разные стороны. Темные и по плечи, чем напоминают птичье гнездо. Пригладив их рукой, еще раз более внимательно смотрю на себя и решаю выйти на разведку.

Пока что Ольга кажется единственным человеком, к которому можно обратиться с вопросами. Она дружелюбна, открыта и явно знает город лучше, чем кто-либо другой здесь. Возможно, она сможет поделиться полезной информацией или хотя бы направить меня в нужное русло.

В доме тихо. Может, все уже спят? Ужин я явно проспала. Подойдя к лестнице, обнаруживаю фотографии в рамках: свадебная, Ольге на ней, наверное, лет двадцать. Она стоит рядом с высоким мужчиной – Валмиром, судя по всему. На нем строгий костюм, белоснежная рубашка и галстук, его волосы аккуратно уложены, а сам он выглядит счастливым. Рядом с ним молодая Ольга выглядит особенно светлой: в пышном белом платье, с длинными темными волосами, убранными в элегантную прическу, и легкой улыбкой. И напоминает мне героиню старого фильма.

На соседней фотографии они запечатлены уже немного старше, с двумя детьми – мальчиком и девочкой. Мальчик – примерно лет десяти, с короткими темными волосами, как у отца, и озорным блеском в глазах. Девочка помладше, возможно, лет семи, с длинными косами и милыми ямочками на щеках. Они стоят на фоне моря, за их спинами виднеется песчаный пляж. Все четверо одеты непринужденно: футболки, шорты, легкие платья.

Фотографии праздников и важных событий украшают стену, словно главы семейной хроники. Засмотревшись на них, медленно спускаюсь по лестнице, но внезапно останавливаюсь у одного снимка. На нем мальчик и девочка, теперь уже взрослые, примерно двадцати лет. Целая семейная история – от свадьбы родителей до взросления детей – разворачивается на этой стене, словно рассказывая о жизни, полной радостей, традиций и тепла.

– Лючия? – вдруг раздается голос Ольги.

Она подходит ближе и тепло улыбается, словно стараясь окончательно развеять мое смущение.

– Это наши дети, – говорит она, указывая на фотографии. – Джетмир и Вера. Джетмир учится на врача, а Вера в педагогическом институте. Решила пойти по моим стопам.

– Одно время я тоже хотела работать, как мама, – отвечаю я, спускаясь с лестницы. – Но я очень много времени проводила у нее в ателье и потом поняла, что мне интереснее рассказывать истории, обращать внимание людей на разные вещи.

Делаю паузу, чувствуя легкую неловкость.

– Мне так неудобно, я сама не заметила, как заснула, – добавляю я, стараясь выглядеть более собранной.

– Глупости, Bukuroshe⁴, – смеется Ольга, используя, судя по интонации, ласковое албанское слово. – Ты просто устала после перелета. Хочешь поужинать?

– Да, с удовольствием, – признаюсь я и иду за Ольгой.

Вскоре мы собираемся на кухне. К нам присоединяется Валмир. Он выглядит как человек, который знает себе цену: высокий, подтянутый, с аккуратной стрижкой и внимательным взглядом серых глаз. На нем простая домашняя одежда – футболка и штаны, но даже в этой непринужденности чувствуется некая элегантность. Его движения спокойны, а голос звучит уверенно, но мягко.

Ольга и Валмир пьют чай, пока я рассказываю о своей семье и работе.

– Дизайнер одежды! Наверное, так интересно, – искренне восторгается Ольга.

Киваю и с интересом перевожу взгляд на Валмира.

– Я люблю дизайнерскую одежду, но меня все равно больше интересует журналистика. Валмир, можно будет как-нибудь посмотреть, что у вас за газета? – спрашиваю я с неподдельным любопытством.

Он улыбается уголками губ, будто мой вопрос его немного забавляет, но отвечает доброжелательно:

– Конечно, почему бы нет? Мы выпускаем еженедельное издание. Освещаем местные новости, культуру и политику. Возможно, тебе будет интересно узнать больше о жизни здесь, в Албании.

Его слова звучат размеренно, почти взвешенно, и в них чувствуется глубокая уверенность человека, который привык работать со словами и идеями. Похоже, Валмир – не только редактор, но и тот, кто умеет слушать и наблюдать, чтобы передать это через свои статьи.

– Спасибо, – улыбаюсь я. – Мне действительно хотелось бы понять вашу страну лучше.

Ольга тепло улыбается, начинает рассказывать про успехи Валмира и как однажды помогла ему с историческими справками, а Валмир кивает, продолжая пить чай. В этот момент становится очевидно, что их семейная гармония основана не только на взаимной поддержке, но и на общих интересах – они оба связаны с миром знаний, истории и культуры, каждый по-своему.

Судя по всему, беспокоиться о принимающей семье не стоит. Они кажутся доброжелательными и открытыми. Нужно будет лишь аккуратно расспросить их о модельных агентствах и работе моделей в этом регионе. Возможно, они знают что-то полезное или смогут подсказать, с чего начать поиски.

Кроме того, необходимо уточнить у Дерека последнее местоположение, откуда было отправлено письмо Брук, и подробно расспросить Ольгу обо всех этих местах, прежде чем проверю их сама.

– ... поехать в школу, – голос Ольги прерывает мои размышления.

– Что? – переспрашиваю я.

– Говорю, что завтра собираюсь поехать в школу. Нужно подготовиться к началу занятий. Поедешь со мной или хочешь еще день отдохнуть? – мягко спрашивает Ольга.

– Поеду. Мне интересно посмотреть. Если честно, я никогда не преподавала детям, – признаюсь я и решаю постепенно готовить почву для своих вопросов, чтобы они не выглядели странно. – Изначально я хотела поехать в восточную Европу. Мама работала с моделями из тех регионов, и меня это заинтересовало. Я думала, что попаду в университет, пообщаюсь со студентами, расспрошу, как они представляют Штаты, но...

Но Брук скорректировала мои планы...

– Но мне предложили и это направление из-за итальянского. И я согласилась...

⁴ Bukuroshe (букуроше) .С албанского «цветочек». Такое обращение используется как нежное. Его можно услышать как в разговорной речи, так и в песнях или поэзии.

Ольга вздыхает, улыбается многозначительной улыбкой, видимо, прокручивая в голове свой педагогический опыт. И этот ее вид вселяет в меня больше паники.

– Думаю, все будет хорошо, – говорит она уверенно. – У нас одна из лучших школ в городе. Ты будешь работать со старшеклассниками. Им наверняка будет интересно пообщаться с носителем языка. У них довольно достойный уровень. По большей части. А Резар – классный руководитель одиннадцатого класса. Если что-то понадобится, он поможет. Не стесняйся к нему обращаться.

Ее слова звучат успокаивающе, но за ними угадывается нечто большее: Резар здесь явно играет ключевую роль, и его авторитет, видимо, непререкаем. Хотя тут одной поездки в машине хватило, чтобы понять: он достаточно суров.

– Дети его обожают и слушаются, – продолжает Ольга, но тут же лукаво улыбается. – Хотя, конечно, подростки всегда остаются подростками. Иногда случаются сюрпризы.

Образ любимца детей не вяжется у меня с собственными наблюдениями, но я решаю много об этом не думать.

– Ты не волнуйся, – добавляет Ольга, видимо, заметив мое задумчивое выражение лица. – Первые дни всегда такие: много нового, непривычного. Но ты быстро освоишься. Особенно если будешь общаться с местными. Албанцы – очень гостеприимные люди!

Ее слова вызывают у меня легкую улыбку. Да, она права: первые шаги в новом месте всегда сложные, но я должна сосредоточиться на своей цели. Школа тоже неплохой источник, чтобы собрать информацию. Старшеклассники могут оказаться полезным источником сведений, знают больше местных сообществ. Главное: как-то непринужденно поговорить с ними диалог, чтобы мое поведение не вызвало вопросов у окружающих. Плюс одна задача.

– А есть какие-то особенные правила или традиции в школе, о которых мне стоит знать заранее? – интересуюсь я.

Ольга задумывается на секунду, а затем начинает перечислять:

– Ну, дети здесь уважительные, но иногда бывают шумными, как и везде. У нас достаточно строгие требования к дисциплине, но в то же время мы стараемся быть открытыми для их идей. Например, каждый год проводятся конкурсы, фестивали и проекты, где ученики могут проявить себя. Многие из них мечтают о карьере за границей. Так что тебе, возможно, придется рассказывать им о жизни в США. Есть школьная газета. Думаю, что твой приезд не останется для нее незамеченным.

– Звучит впечатляюще, – отвечаю я. – Я заинтригована.

– Хорошо. Тогда завтра выезжаем в девять, – сообщает Ольга. – Я отвезу тебя. В школу и назад будем добираться вместе. Но позже расскажу, как лучше передвигаться по городу самостоятельно. Кстати, если нужно, мы можем заехать на рынок или в магазин.

Я киваю. Благодарю за ужин и ухожу спать в приподнятом настроении. Кажется, все складывается довольно неплохо.

Утром просыпаюсь с заметно меньшим энтузиазмом, чем накануне. Особенно удручает то, что я так и не удосужилась разобрать чемоданы. Моя уютная комната, которая еще вчера излучала тепло и порядок благодаря мягкому ковру, светлым обоям и милым аксессуарам на туалетном столике, теперь больше напоминает поле боя. Одежда, обувь и мелкие предметы разбросаны повсюду – на кровати, стульях и даже на полу.

К тому же, я совершенно не представляю, что надеть в школу летом. Прогулки по Трайбеке на каблуках научили меня хотя бы одному: всегда быть готовой к неожиданностям. Если я не знаю, чего ожидать, значит, самое время для проверенного сочетания – легкого костюма от «Jasquetus» и удобных кроссовок. Кто знает, сколько придется сегодня ходить?

Когда крашусь, часы показывают уже почти половину девятого. В этот момент в комнату заглядывает Ольга.

– Ты уже готова? Все в порядке? Что-то надо? – спрашивает она.

– Да, все чудесно, спасибо, – отвечаю я с улыбкой. – Кстати, я влюблена в это зеркало, – добавляю, кивая на изящный туалетный столик с большим трюмо.

Ольга улыбается и слегка кивает, будто мои слова вызвали у нее приятные воспоминания.

– Моя дочь тоже обожала это зеркало. Раньше эта комната была ее, – произносит она мягко, но без грусти, скорее с ноткой гордости. – Жду тебя на кухне, позавтракаем вместе.

Я благодарно киваю, а когда она выходит, заканчиваю с волосами, собрав их в короткий низкий хвост.

Мы едем в школу. Ольга за рулем, ее уверенные движения на дороге выдают привычку к вождению в этом городе. Я смотрю в окно, пытаюсь уловить детали Тираны, которые раньше заметила лишь мельком, когда Резар вез меня из аэропорта. Город словно состоит из двух слоев: старого и нового. Современные здания с большими стеклянными фасадами соседствуют с полуразрушенными строениями, похожими на остатки прошлой эпохи. Между ними – узкие улочки, где люди громко разговаривают или просто наблюдают за происходящим с порогов своих домов. Все это создает странное сочетание хаоса и спокойствия.

– Тебе нравится? – спрашивает Ольга, заметив мой интерес к окрестностям.

– Да, очень живописно, – отвечаю я. – Но чувствую, что еще многого не понимаю.

– Это нормально, – она улыбается. – Тирана – город контрастов. Иногда кажется, что он сам не знает, какую сторону хочет показать. Полагаю, все зависит от смотрящего.

Мы подъезжаем к школе, и я сразу замечая, что это место отличается от окружающих зданий. Школа с углубленным изучением иностранных языков выглядит более ухоженной и современной. Фасад украшен декоративными элементами, а большие окна придают зданию легкость и открытость.

Ольга паркуется, и я замечая машину Резара, припаркованную неподалеку. Мы идем к зданию вместе, и на входе задерживаемся у поста охраны. Ольга быстро объясняется с охранником на албанском, представляя меня и предъявляя мои документы. Процедура занимает всего пару минут, и вскоре мы уже проходим внутрь.

Когда я училась в школе, мне всегда было интересно, как она выглядит летом, когда занятия не проводятся. Сейчас я с любопытством осматриваюсь, пытаюсь запечатлеть атмосферу этого места. Свет горит не везде, но благодаря солнечным лучам, проникающим через большие окна, коридоры кажутся достаточно светлыми и уютными. Пустые пространства создают странное ощущение тишины, словно школа затаила дыхание, ожидая начала учебного года.

Стены украшены информационными стендами, плакатами с мотивирующими цитатами на нескольких языках и фотографиями учеников с различных мероприятий. На одном из стендов висит расписание летних курсов, а также афиша предстоящего фестиваля культур, который, судя по всему, является важным событием в жизни школы. Я замечая несколько фотографий с прошлых фестивалей: дети в национальных костюмах разных стран, улыбающиеся и полные энтузиазма.

Ольга замечает мой интерес к стенду и улыбается:

– Это одно из наших любимых мероприятий. Каждый год ученики готовят выступления, танцы, песни и даже небольшие спектакли, представляя культуру разных стран. Ты могла бы помочь нам в этом году – рассказать что-нибудь о жизни в Америке.

Я киваю, чувствуя легкое волнение. Кажется, работа здесь займет больше времени, чем я предполагала.

Мы продолжаем движение по коридору. Здесь все выглядит современно и ухоженно: светлые стены, аккуратные деревянные двери с номерами классов. В воздухе едва уловимо витает запах свежей краски – видимо, ремонт здесь проводился совсем недавно.

– Вот кабинет Резара, – говорит Ольга, легко постучав по дверному косяку и, не дожидаясь ответа, открывает дверь. – А мой через три двери. Привет, – добавляет она, обращаясь к тем, кто находится внутри.

Резар сидит за учительским столом, а рядом с ним стоит шатенка лет двадцати пяти в симпатичном ярком сарафане. Она что-то рассказывает, увлеченно жестикулируя. Но стоит ей бросить взгляд на меня, ее улыбка моментально гаснет, будто мое неожиданное появление нарушает ее планы. Резар же, напротив, при виде нас с Ольгой явно расслабляется. В его взгляде читается облегчение, словно он рад нашему приходу.

Пока Ольга что-то быстро объясняет на албанском, я осматриваю кабинет. Он выглядит аккуратным и подготовленным, хотя учебный год еще не начался. Но количество парт меня пугает, хотя, наверное, это обычная посадка класса. На стене висит большая карта мира с заметками на нескольких языках – вероятно, оставшихся с прошлого года. Полки заполнены учебниками и пособиями.

– А это Элира, – представляет Ольга. – Учитель французского.

– Приятно познакомиться, – с улыбкой говорю я, протягивая руку.

Элира слегка хмурится, бросая на меня задумчивый взгляд, но все же отвечает на рукопожатие. Затем она произносит что-то на албанском и выходит из кабинета. Ольга усмехается, бросая лукавый взгляд на Резара, а тот, в свою очередь, закатывает глаза, словно ситуация для него привычная. Похоже, между ними давно установились теплые, дружеские отношения, полные неписаных шуток и молчаливого понимания.

– Итак, что мне делать? – спрашиваю я, отвлекаясь от размышлений. – Есть какие-то планы? К чему мне готовиться?

Ольга обменивается быстрым взглядом с Резаром, словно они заранее обсуждали этот момент. Затем она поворачивается ко мне с улыбкой, которая кажется одновременно обнадеживающей и немного загадочной.

– Учебный год почти начался, – объясняет она. – Как я говорила, тебе предстоит работать со старшеклассниками, так что можешь начать с простого: представься, расскажи о себе, своей жизни в Америке. Это их заинтересует. Прикинь пока, что хочешь рассказать.

– А не будет проблем, что я не смогу что-то объяснить на албанском? – спрашиваю я.

– Нет, – спокойно отзывается Резар. – Посмотрим, что переведут после лета. Послушают речь носителя. Я переведу, если будут проблемы.

– То есть мы всегда будем тут вместе? – спрашиваю я, до конца не понимая, напрягает ли меня этот факт или радует.

Резар кивает, хотя его лицо по-прежнему остается непроницаемым. Он медленно поднимается из-за стола и, кажется, на нем вчерашняя одежда. Или просто похожа. Резар берет со стола папку с бумагами и протягивает ее мне.

– Вот материалы для подготовки, – говорит он ровным голосом. – Здесь программа, которую мы планируем использовать, список тем, которые уже освещались, и примерные задания для учеников. Посмотри, если будут вопросы, спрашивай.

И что-то мне подсказывает: если я буду что-то спрашивать мило, как Ольга, Резар объяснять мне ничего не будет.

Я принимаю увесистую папку, чувствуя ее вес не только физически, но и символически. Тут работы больше, чем я предполагала.

Черт.

– Хорошо, – отвечаю я, усаживаясь за свободную парту.

– Дальше справитесь без меня, – сообщает Ольга. – Через пару часов приходите на чай. И еще, Люция, к десяти придет директор. Подойти к нему тогда.

Я киваю и начинаю рассматривать материалы на первую учебную неделю, но интереса хватает минут на десять. Резар сосредоточенно смотрит в экран ноутбука все это время, как будто бы позабыв о моем присутствии.

Интересно: он просто такой или ему я не по душе? С Ольгой вроде общается нормально. А вот с этой Элирой вроде не очень...

– Ольга сказала, что у тебя свой класс. Расскажешь что-нибудь? – аккуратно спрашиваю я, надеясь, что хоть эта тема его разговорит, общение между нами станет менее натянутым, а я смогу ответить на свой вопрос.

Резар отрывает взгляд от экрана, и на мгновение мне кажется, что он колеблется – словно решает, стоит ли вообще отвечать. Но затем он все же произносит безэмоциональным тоном:

– Да, у меня свой класс. Одиннадцатый. Работаю с ними уже третий год. Большинство из них... стараются.

Он делает паузу, будто ожидая моей реакции, но я просто киваю, давая понять, что слушаю.

– Это их предвыпускной класс. Ученики умные, но иногда им не хватает терпения или дисциплины, – продолжает он, и в его голосе проскальзывает легкая нотка усталости, хотя лицо остается таким же невозмутимым.

Я решаю мягко подтолкнуть разговор, чтобы побольше узнать об учениках.

– А есть кто-то, кто особенно выделяется? Например, интересами?

– У всех свои интересы, – отвечает Резар. – Но у большинства они довольно предсказуемы: свидания, вечеринки, пиво и попытки не попасться родителям.

В его интонации впервые проскальзывает теплая, чуть ироничная нотка. Даже взгляд на мгновение смягчается.

– Без этого никуда. В школьной любви и этих приключениях что-то есть... – протягиваю я, невольно вспоминая своего первого парня и школьные будни.

Но только я начинаю думать, что между нами установился какой-то контакт, как выражение лица Резара снова становится суровым, а его взгляд возвращается к прежней непроницаемости.

Так, ладно, бесед на личные темы не добьюсь, вернусь к школьным.

– Я это к чему, – продолжаю я. – Можно попробовать пообщаться с детьми на интересные им темы для начала. Чтобы наладить контакт. Например, моя мама – успешный дизайнер, и я почти выросла в ее ателье, за кулисами показов мод. Может, кто-то из учеников увлекается чем-то подобным? – спрашиваю я, стараясь звучать непринужденно.

Опускаю взгляд на список тем для говорения, который лежит передо мной, и добавляю с легкой улыбкой:

– Конечно, темы вроде «Здоровый образ жизни» важны, но раз уж я здесь, то, возможно, стоит начать с чего-то действительно захватывающего. В конце концов, смысл ведь не в самой теме, а в том, чтобы завязался живой разговор. К тому же, моя мама прошла долгий путь, чтобы добиться успеха, и столкнулась со многими трудностями.

Внутренне я немного напрягаюсь. Если Резар окажется сторонником строгих планов и неизменных тем, это может стать настоящей проблемой. Хотя вряд ли я из школьников вытяну что-то интересное про модельные агентства, но вдруг, как это всегда бывает: кто-то знает кого-то, видел что-то, знает, что происходит в городе, заметил съемки, гуляя по улицам... Надо использовать все возможности.

И пока в моей голове проносятся десятки мыслей, Резар молча смотрит на меня, словно оценивая мои слова. И я почему-то чувствую, что надо продолжить мысль.

– Например, можно поговорить о том, как устроена индустрия моды в разных странах или о том, как работают показы, – продолжаю я, стараясь звучать уверенно. – Это может быть полезно для тех, кто мечтает работать в международной сфере: пиар, коммуникации, марке-

тинг... К тому же, я работаю в хорошем журнале в Нью-Йорке, так что могу рассказать и об этом, – продолжаю я, надеясь, что мои слова не звучат странно. Но, наверное, лучше подготовить почву, чем внезапно начать допрашивать учеников на столь необычные для школы темы.

Резар задумчиво кивает, и впервые за все время нашего общения в его глазах появляется настоящий интерес. Похоже, моя идея его зацепила. Но потом я чувствую: нет, что-то не то.

– Любишь же ты поговорить, – произносит он с легкой усмешкой. Я не могу понять упрек это или ироничное замечание. Но понимаю, что ругаться не стоит.

– А ты не очень? – уточняю я, пытаюсь говорить мягко. – Твое право, но признай: без разговора ты мне не поможешь с этим, – продолжаю я, ткнув пальцем в папку.

Он лишь качает головой, будто не собирается даже отвечать на такой очевидный вопрос.

В этот момент я замечаю, что Резар выглядит уставшим. Под глазами залегли небольшие тени, а в движениях чувствуется легкая напряженность, словно он давно не выспался. Меня это настораживает. Может быть, он из-за чего-то переживает? Или просто много работает? И такой смурной просто из-за усталости...

– Я тоже за практичные знания, а не за шаблонную ерунду, – произносит Резар все тем же ровным тоном. – Если хочешь говорить с учениками на темы, которые действительно их интересуют и помогут им представить свое будущее, валяй. Мне без разницы, будь то показы мод или пиар с коммуникациями. Только помни, что ты работаешь со школьниками. Фильтруй темы в рамках закона и возрастного ценза.

Уже неплохо. Могу спокойно говорить. И не могу игнорировать, что напоминание звучит явно не просто так. Что-то было...

– Были интересные прецеденты? – с любопытством спрашиваю я, слегка подтрунивая: – Француз перед отъездом во Францию рассказал что-то лишнее?

Резар приподнимает бровь, будто оценивая мой подкол, но потом усмехается. Неужели лед немного все-таки трогается?

– Ну же... Расскажи. Пожалуйста. Вдруг поможешь мне избежать ошибок...

– Этот чертов француз... – протягивает Резар, словно вспоминает о какой-то занозе. – Скажем так, он был... своеобразным. Называл себя «послом культуры», хотя больше походил на вечного мечтателя. Однажды он решил провести «урок свободы самовыражения» и начал рассказывать детям о французских художниках-авангардистах. Кончилось все тем, что половина класса начала рисовать картины, полные символизма, который они сами толком не понимали.

Я невольно хмыкаю:

– Звучит довольно безобидно.

– Так и было, пока один из учеников не создал картину, которую родители приняли за крик о помощи. Пришлось целую неделю объяснять, что это всего лишь эксперимент с формами и цветами.

– Это же явно не единственное, чему их научил француз? – продолжаю подкалывать я.

– Конечно, – безразлично пожимает плечами Резар. – Они узнали, что искусство может быть субъективным. Но главное, что они запомнили из его уроков, – это фраза: «Жизнь слишком коротка, чтобы пить плохое вино».

Лицо Резара все еще серьезно, и от контраста с тем, о чем он только что говорил, мне вдруг становится невероятно смешно. Я не могу сдержаться и заливаюсь громким смехом, который эхом разносится по кабинету.

Резар возвращается к ноутбуку. Видимо, я исчерпала лимит дружеской беседы...

И, возможно, я со своими расспросами про модельные агентства здесь никого не удивлю. Но все равно лишними эти попытки подготовить почву точно не станут. Пусть в сознании людей у моих вопросов будет определенная логика, которая избавит их от раздумий, а меня от лишнего внимания.

7.

Этот же день. Вечер

После довольно легкого дня в школе, ужина и разговора с родителями я, наконец, возвращаюсь к расследованию. Открываю блокнот и пробегаюсь глазами по списку дел. Все требования Дерека выполнены, и я с удовлетворением ставлю галочки напротив каждого пункта. Теперь – места, откуда приходили сообщения Брук. Большинство из них отправлены из кафе, расположенных в районе Фарка⁵. Север города. Окраина Тираны, где в основном живут люди с низким уровнем дохода. Возможно, у Брук действительно проблемы с деньгами, она обитает в неблагополучном районе и подрабатывает в кафе. Просто стесняется об этом сказать?

Версия выглядит правдоподобной. Но вряд ли бы Брук стала шифровать свои письма, если все было так просто. Как же мне хотелось, чтобы все оказалось именно так. Но вряд ли она стыдится до такой степени.

Читаю о Фарке, и район не внушает доверия. Согласно информации в интернете, это место известно не только своей бедностью, но и высоким уровнем преступности. Местные жители часто жалуются на плохую инфраструктуру, недостаток работы и обилие сомнительных заведений, которые маскируются под кафе или небольшие магазины.

Теоретически я могу приехать в кафе, показать фото Брук сотрудникам и расспросить. Но что если кафе тоже одно из этих заведений, которые для маскировки? Для начала можно съездить туда и осмотреться как заблудившийся турист, а на месте уже, наверное, все станет понятно. Но вряд ли там много людей знают английский. Не с Ольгой же туда ехать...

И тут я вспоминаю Резара.

С таким суровым типом можно ездить по сомнительным районам. Правда, он вряд ли согласится. По крайней мере, без объяснения причины с моей стороны. И только сейчас до меня доходит, что я почти ничего о нем не знаю. Перед поездкой я настолько сосредоточилась на модельных агентствах и местах, откуда приходили письма Брук, что даже не удосужилась узнать больше о школе и самом Резаре.

К делу он, конечно, отношения не имеет, но лишняя информация о том, с кем предстоит провести немало времени, точно не помешает. Открываю поисковик и набираю: «Резар Ариффи, Тирана, учитель школы с углубленным изучением иностранных языков». Жду результатов с каким-то странным, почти детским интересом.

Как проще бы жилось, если бы люди просто рассказывали о себе все сами.

Первая же статья рассказывает о его награждении. Терпеливо дождаюсь, пока сайт загрузит перевод, и начинаю внимательно читать. Городская администрация наградила Резара за работу с трудными подростками два с половиной года назад.

На фотографии он выглядит иначе. Гладко выбритое лицо создает резкий контраст с бородой, которую он носит сейчас. На снимке Резар, одетый в строгий костюм, принимает какую-то статуэтку и даже улыбается. В белой рубашке и темных брюках он кажется гораздо более энергичным и живым, чем сейчас.

– Где же тебя так потрепало за это время? – усмехаюсь я, пробегая глазами текст статьи.

И уже почти решаю, что в материале нет никакой полезной личной информации, когда внезапно замечаю и читаю: на этот прием Резар пришел вместе с невестой.

Сейчас он вроде не женат.

Развелись? Не поженились? Черт. Ольга, наверное, знает, но спросить ее напрямую – не вариант. Это будет слишком странно и наверняка вызовет лишние вопросы.

⁵ Фарка – район, расположенный на северной окраине Тираны. Он известен своей бедностью и низким уровнем развития инфраструктуры. Здесь проживает много семей с низкими доходами, а также есть проблемы с безопасностью.

Но не сложившаяся личная жизнь хотя бы объясняет, почему он такой смурной.

Закрываю вкладку и просматриваю другие источники, но они уже не содержат ничего примечательного. Лишь упоминания, связанные с его работой в школе и волонтерской деятельностью по работе с трудными подростками.

И даже нет странички в соцсетях. Но это меня не удивляет. И я возвращаюсь к изучению Фарки, напоминая себе, что это важнее всего. Тем более что IP-адрес последнего письма Брук вел не в кафе, а в ночной клуб.

Вбиваю в поисковик адрес и название клуба. Через пару секунд передо мной появляется фотография, и на первый взгляд заведение выглядит вполне прилично: современный дизайн, яркая подсветка, модные люди на входе. Кажется, это место популярно. Но чем дольше я просматриваю информацию, тем сильнее начинаю ощущать тревогу.

В отзывах местные посетители хвалят музыку, коктейли и атмосферу, но некоторые комментарии вызывают у меня беспокойство. Один из них особенно цепляет:

«Здесь работают красивые девушки, которые точно знают, как развлечь гостей. Только можно остаться без денег».

Другой отзыв тоже вызывает странные чувства:

«Клуб слишком дорогой для района. И не стоит этих денег. Много иностранцев»

А это уже интересно. Если я поеду туда, то, скорее всего, не привлеку внимания. Однако перед поездкой все равно решаю обсудить это место с Ольгой. Беру ноутбук и спускаюсь в гостиную, где она о чем-то разговаривает со своим мужем. Заметив меня, она тут же добродушно улыбается.

– Как твоя работа? – интересуется она.

В ее голосе столько искренности, что мне становится немного стыдно за ту маленькую ложь, которую я сказала час назад, заявив, что пишу статью для журнала.

– Я отвлеклась, – признаюсь хоть в этом и присаживаясь в кресло. – Но тут возник один вопрос. Моя приятельница узнала, что я в Тиране, и написала мне про один клуб. Я решила посмотреть, думала, может, сходить... но меня немного смущает район, где он находится.

Поворачиваю ноутбук экраном к Ольге и Валмиру, чтобы они могли взглянуть на фотографии и отзывы. Продолжаю, стараясь звучать непринужденно и одновременно борясь с чувством вины, что снова вру. Но при этом умудряюсь оправдать и саму себя: ведь дальнейшую информацию о Тиране, которую собираюсь озвучить, я действительно читала.

Интересно, как быстро эта игра в прокурора и защитника сведет меня с ума?

– Знаю, что в Тиране сейчас осуществляют разные программы по улучшению города. Менее благоприятные районы постепенно преобразуются, становятся более привлекательными для жизни. В Нью-Йорке тоже есть подобные инициативы. Здесь, возможно, дела обстоят так же и можно спокойно съездить?

Кажется, мой вопрос звучит достаточно невинно, но я внимательно наблюдаю за их реакцией, пытаюсь уловить малейшие намеки или изменения в выражении лица. Ольга и Валмир переглядываются.

– Знаешь, если хочешь развеяться, могу спросить у Веры и Джетмира. Они иногда выбирают в такие места. И о районах, где они проводят время, беспокоиться точно не стоит.

Значит, клуб все-таки находится в действительно сомнительном месте, пусть по отзывам может и сложится другая картина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.